ДК
60
К-80
Кресть-
янские
войны.
М., 1925.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВЕЛИКИМ КРЕСТЬЯНСКИМ ВОЙНАМ

Статьи т. т. Н. Лукина, Н. Мещерякова, С. Дубровского и др.

ИЗД. МЕЖДУНАРОДНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО СОВЕТА

Крестьяне и рабочие всех стран, соединяйтесь!

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

Сборник статей, посвященный великим крестьянским войнам

Статьи т.т. Н. Лукина, Н. Мещерякова,
С. Дубровского и др.

Издание Международного Крестьянского Совета

МОСКВА — „НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“ — 1925 г.

Главлит № 36715. Тираж 10 000 экз.
Орел. Типо-литография «Труд». Заказ № 57.

К четырехсотлетию крестьянских войн.

Проф. Н. Лукин.

Крестьянская революция 400 лет назад.

(К 400-летнему юбилею крестьянской войны в Германии 1525 г.).

Крестьянская война, охватившая в 1525 году почти половину тогдашней Германии *), была вызвана не „ересью“ Лютера, как это утверждают и доселе католические историки, а резким ухудшением в экономическом и правовом положении крестьянства с начала XV века. Но это ухудшение, в свою очередь, было следствием глубоких изменений, происходивших в эту эпоху во всем экономическом строе страны.

I.

В XV и начале XVI века в Германии наблюдается значительный хозяйственный под'ем, явившийся результатом великих географических открытий конца XV века и расширения торговых сношений Европы. В южно-немецких городах крупные успехи делает ткацкая промышленность: производство принимает массовый характер, наряду с грубыми сортами сукна и полотна начинают изготовляться более тонкие шерстяные, льняные и шелковые ткани. Широкое развитие получают отрасли индустрии, изготовлявшие предметы роскоши, на которые пред'являлся большой спрос со стороны духовной и светской аристократии и разбогатевшего бюргерства. Изобретение пороха и книгопечатания дало толчок оружейному производству и типографскому делу.

К началу XVI века крупные южно-германские города становятся промышленными центрами, в отличие от чисто торговых городов северно-немецкой Ганзы.

Значительный прогресс заметен и в горном деле; в частности, с конца XV века быстро растет добыча серебра в Рудных горах Саксонии, Гарце, Богемии, Зальцбурге и Тироле. В начале XVI века на Германию приходилось 77% добывавшегося тогда в Европе серебра.

Городская промышленность начинает производить на отдаленные рынки, при чем расширение области сбыта ведет к новой организации производства: между городским ремесленником и потребителем встает фигура скупщика, наряду с ремеслом появляются зачатки домашней системы крупной промышленности. Успехи внутренней торговли сказываются в увеличении находившихся в обороте денежных знаков, развитии торгового кредита, образовании товариществ на паях и т. п.

---

*) Германия XVI века включала в себя, кроме довоенной германской империи, Австрию и Нидерланды. Во главе империи стоял император (избиравшийся из Габсбургского дома) и союзный сейм, в котором были представлены курфюрсты (избиратели императора, князья и вольные имперские города). Настоящей политической связи между отдельными частями Германии не было. Не существовало ни общеимперских финансов, ни армии.

Но крупные денежные капиталы, скопившиеся в руках отдельных буржуазных семей еще с конца XIV века, вкладывались преимущественно в операции внешней (транзитной) торговли. Открытие морского пути в Индию не сразу привело в упадок старую торговую дорогу, шедшую с Востока через города Италии и Германии на север Европы. Аугсбург продолжал оставаться крупным складочным пунктом индийских пряностей и итальянских шелковых материй, предназначавшихся для центра и севера Европы.

Оптовый склад крупного торговца времен великой крестьянской войны.

С другой стороны, крупные торговые фирмы Германии отлично приспособились к тем новым условиям в тогдашней международной торговле, которые возникли с переходом торговых сношений с Индией в руки португальцев. Фирмы Фуггеров и Вельзеров (в Аугсбурге) принимали деятельнейшее участие в торговле с Востоком, субсидируя морские экспедиции португальцев, скупая приходившие в Лиссабон восточные пряности и направляя их в Антверпен, организуя сбыт европейских товаров в Азию. Те же германские фирмы производили и самостоятельные закупки индийских и американских товаров, распродавая их потом с большой выгодой в Европе.

Все эти новые явления, свидетельствующие о зарождении торгового капитализма, не изменили, однако, преимущественно **земледельческого** характера Германии. Деревня продолжала играть определяющую роль в экономике страны; сами города в значительной степени сохра-

нили свой полудеревенский вид: часть их жителей все еще занималась сельским хозяйством.

Экономический под'ем неодинаково отразился на положении различных общественных классов. Больше всего от него выиграли представители крупного торгового и денежного капитала, а также зажиточные цеховые мастера и городская знать—старинные фамилии, владевшие земельной собственностью и в то же время участвовавшие в торгово-промышленных операциях городов. В начале XVI века денежные капиталы, имевшиеся в руках отдельных бюргерских фамилий, достигают нескольких миллионов гульденов. Торговцы-оптовики и банкиры Аугсбурга и Нюренберга славились своими богатствами и кричащей роскошью. Крупные состояния росли с поразительной быстротой. Один аугсбуржец, вложивший в торговое товарищество 500 гульденов, в течение 7 лет нажил 24.500 гульденов.

Представители германской знати времен войны.

Мелкие ремесленники, уже попавшие в зависимость от торгового капитала, разорялись, превращаясь в кустарей или прибегая к занятию побочными промыслами. Вместе с ремесленными подмастерьями, землепашцами, садоводами и жителями предместий этот обедневший слой ремесленных мастеров составлял в городах так называемую „общину“, политически бесправную, стоявшую в оппозиции к знати, в руках которой обычно находились городские советы.

Значительно ухудшилось и положение городского пролетариата (или, вернее, „предпролетариата“), который состоял тогда из весьма пестрых элементов выбитых из привычных условий существования и стоявших вне старых сословных группировок—поденщиков, разорившихся ремесленников, бродяг и нищих из беглых крестьян, „безработных“ ландскнехтов и т. п. В Аугсбурге нищие составляли 3% населения. Вся эта масса городской бедноты страдала от непосильной тяжести косвенных и прямых налогов и поборов. Находившиеся всецело в руках знати городские советы устанавливали обратно-прогрессивный налог: чем меньше было имущество плательщика, тем сильнее он облагался.

Развитие торгового капитализма, разложение феодальных связей не повело к политическому об'единению Германии под властью абсолютного монарха, как это было в других странах. Торговый капитализм оказался здесь недостаточно мощным, чтобы спаять в одно целое разрозненные области, имевшие совершенно различные экономические интересы; не было в Германии и такого города, который, подобно Лондону или Парижу, являлся бы торгово-промышленным центром для всей страны, и потому мог бы стать и ее политическим центром.

Политическая централизация произошла, поэтому, лишь в рамках отдельных княжеств; отсюда—рост богатства и могущества крупных феодалов, превращение их в настоящих владетельных государей, среди которых германский император оставался лишь „первым среди равных“.

Низшее дворянство (рыцарство), напротив, приходило все в больший упадок. Усовершенствование огнестрельного оружия повышало значение пехоты за счет рыцарской конницы и в то же время лишало рыцарские замки их былой неприступности. С развитием денежного хозяйства потребности в роскоши и удовольствиях тянувшегося за богатой буржуазией рыцарства все возрастали, между тем как доходы этого класса не увеличивались, а сокращались. Главнейшим источником существования дворянства были к тому времени платежи, которые получались с крестьян, успевших превратить свои натуральные и трудовые повинности в определенные денежные взносы. Но, между тем как размер этих взносов был определен раз навсегда, ценность денег (вследствие увеличения добычи благородных металлов) падала. Получая ту же сумму денег, дворянство не могло удовлетворить на них свои все возраставшие потребности. Оно беднеет, впадает в долги; часть его вынуждена поступать на службу к князьям, нуждавшимся в чиновниках и офицерах; другая „подрабатывает" грабежами на больших дорогах. Одно дворянское поучение XV века рекомендует рыцарю грабить в лесу проезжего мужика; если у того нет денег,—просто перерезать ему горло и забрать его лошаденку. Но оставалось еще средство, с помощью которого разорившийся дворянин надеялся поправить свои дела: это—усиленная эксплоатация свободных и полусвободных крестьян, находившихся под его властью. На этот путь и становятся теперь светские и духовные (епископы, аббаты монастырей) господа.

В течение XIII—XIV веков крестьянам южной и юго-западной Германии в значительной степени удалось облегчить свою крепостную зависимость. Барщинные работы частью сократились до нескольких дней в году, частью были выкуплены крестьянами, или заменены определенными денежными взносами; прежде, в случае смерти крестьянина, вся его движимость переходила к господину, теперь—наследник мог отделаться предоставлением помещику лучшей штуки скота („Besthaupt") или известной денежной суммы. Бо́льшую свободу получил крестьянин и в деле распоряжения своим земельным участком: последний можно было отчуждать с разрешения помещика, которому в таком случае предоставлялось лишь право преимущественной покупки или только определенная пошлина. Исчезли или были заменены денежными повинностями и многие унизительные, напоминавшие о былом рабском состоянии крестьянина, обычаи, в роде права господина на жену крепостного („право первой ночи") и т. п.

Откупившийся от барщины крестьянин считался свободным „держателем" своего земельного участка; теперь он свободно располагал своим трудом и временем и не зависел от произвола приказчика. Что касается всякого рода натуральных оброков, то часть их была превращена в денежные взносы, другая—ограничена раз навсегда установленными размерами. Платежи должны были взиматься без насилия, так тихо, „чтобы не разбудить дитя в люльке и не спугнуть петуха с насести".

Но эти счастливые времена,—когда помещики шли на уступки, лишь бы удержать у себя крестьян, уходивших в города или на новые земли*), где порядки были свободнее,—скоро миновали. С XV века в положении крестьянства снова происходит ухудшение. Прежде всего,

*) Свободных земель тогда было много, а население было редко и слабо возрастало, особенно после чумы, опустошившей Европу в XIV веке. Замена многочисленных натуральных оброков и повинностей денежными взносами была тогда выгодна и помещикам.

с ростом населения начинают мельчать крестьянские наделы („гуфы“), ощущается острый недостаток в земле. В густо населенных районах нормальный надел крестьянской семьи спускается до ¼ гуфы. При земельной тесноте крестьянин жадно набрасывается на каждый свободный клочек, но помещик, если и сдает теперь в аренду новые участки земли, то требует за это выполнения тяжелых повинностей и уплаты многочисленных оброков. Эта кабальная форма аренды (обычно краткосрочной) получила особенное развитие в юго-западной Германии, вскоре ставшей очагом крестьянских восстаний.

В то же время крестьянское хозяйство приходит в расстройство потому, что исчезает свободное пользование разного рода угодьями (лесами, выгонами, пустошами, реками, озерами и т. п.), которые принадлежали некогда всей деревне, а теперь превратились в собственность помещика. Если крестьянину и позволяют собирать хворост, рубить дрова или пасти скот в лесах, то только при условии уплаты особых оброков или выполнения новых повинностей.

Крестьяне на барщине.

Захват общинных земель светскими и духовными (монастыри) господами повел к созданию жестокого законодательства об охоте. Право охоты и рыбной ловли стало исключительной привилегией дворянина: в Вюртемберге мужик, осмелившийся вступить в княжеский лес с арбалетом *) в руках, наказывался лишением глаза. Между тем свободно размножавшаяся дичь уничтожала крестьянские посевы, а благородные рыцари, развлекаясь охотой, вытаптывали крестьянские поля.

Пользуясь стесненным положением крестьянства, страдавшего от малоземелья, недоступности пользования общинными угодьями и лишения права охоты, **дворяне и монастыри усиленно принялись за массовое закрепощение тех слоев крестьянства, которым удалось облегчить свое положение в XIII—XIV веках.**

Уже с половины XV-го столетия к крепостным стали приравнивать всех малоземельных, у которых не оказывалось и четверти гуфы;

*) Арбалет—стальной лук с пружиной.

свободных крестьян превращали в зависимых чиншевиков, а прежних чиншевиков—в настоящих крепостных. Это новое крепостное право особенно разрослось в юго-западной Германии. Уже в так называемой „Реформации Сигизмунда", появившейся в 1438 году, *) говорилось: „Неслыханное дело, чтобы среди святого христианства совершалась такая несправедливость... что человек осмеливается сказать другому: ты принадлежишь **мне**! Христос, пострадав, сделал нас всех свободными, так что никто не должен возвышаться над другими". **Требование отмены личной крепостной зависимости** находим в большинстве крестьянских требований, которые выдвигались в ходе восстания 1525 года.

Сохранившиеся с тех времен „жалобы" крестьян Кемптенского монастыря (в Верхней Швабии) хорошо рисуют те наглые, насильнические приемы, с помощью которых аббаты монастыря закрепощали все новые и новые разряды своих подданных. Стоило, например, свободному чиншевику (наследственному арендатору монастырской земли) вступить в брак с крепостной аббатства, как игумен принуждал такого крестьянина взять на себя крепость под угрозой отлучения от церкви. То же проделывалось и при заключении браков между чиншевиками и свободными крестьянками; последних угрозами и насилиями заставляли переходить на положение зависимых людей. Крестьяне жаловались, что чиншевиков монастырь арестовывает и держит под стражей, пока они письменно не откажутся от своей свободы. Из тех же „жалоб" видно, что свобода передвижения, отвоеванная некоторыми категориями крестьян в предшествовавший период, фактически исчезла. Что касается настоящих крепостных, то, будучи прикреплены к земле вместе со своими детьми, они были лишены навсегда свободы передвижения. Прежде чем выдать свою дочь за пределы поместья, такой несвободный крестьянин должен был заплатить господину особый побор, т. е. как бы выкупить ее. Прежде чиншевики пользовались правом свободного передвижения, платя лишь оброк в пользу монастыря; теперь, в случае ухода из монастырских владений, аббат требует целую треть всего движимого и недвижимого имущества крестьянина.

Наряду с закрепощением прежде свободного и полусвободного крестьянства, безмерно усилился гнет всякого рода платежей, оброков и повинностей. Чтобы поправить свои дела, помещик не брезговал ничем, чтобы извлечь из своих подданных возможно больше дохода. Увеличились, прежде всего, платежи, взимавшиеся помещиком при перемене владельца крестьянского участка (посмертный побор, «Todfall») и „побор при вводе во владение" („Erschatz"). Так, крестьяне того же Кемптенского аббатства жаловались, что, в случае смерти крепостного, игумен стал забирать себе целую половину его движимого и недвижимого имущества, а в случае смерти чиншевика—требовал не только лучшую лошадь или корову, но и лучшую одежду из хозяйства покойника. В случае смерти холостого человека, аббат берет себе все его имущество, устраняя от наследования его братьев и сестер. Жадность духовных владык дошла до того, что с крестьян стали требовать уплаты поборов не только при перемене владельца участка, но и при назначении каждого нового игумена.

---

*) Этот документ, якобы составленный по поручению императора Сигизмунда, в виде его завещания, в действительности был написан каким-то священником, хорошо знавшим нужды крестьян. Наивная легенда о всемогущем крестьянском императоре-реформаторе является характерной чертой тогдашней крестьянской идеологии. В 1524 г. «Реформация» была не раз переиздана.

Наиболее тяжелым из натуральных оброков был „чинш“, который платили держатели несвободных земель. Чинш взимался ввиде известной доли урожая, которая произвольно увеличивалась господами, и вызывал особенную ненависть крестьян. Зачастую при приеме чинша крестьян обмеривали и обвешивали. В знаменитой крестьянской программе (так называемые „Двенадцать Статей“), выдвинутой во время крестьянской революции, находим специальный пункт о чрезмерной тяжести чиншей, поглощавших иногда весь чистый доход крестьянского хозяйства. Крестьяне Фюрстенберга жаловались, что господа не делают никакого послабления в отношении оброков даже в случае градобития или других стихийных бедствий, постигающих деревню.

Сдача „десятины“ духовному пастырю.

Кроме того, крестьянину приходилось уплачивать разного рода поборы в пользу духовенства: „большую десятину“ (оброк зерном или вином, в размере от $^1/_{10}$ до $^1/_3$ валового сбора), „малую десятину“ (оброк овощами и фруктами), десятину приплодом от всякого рода скота и домашней птицы. Местами духовенство требовало, чтобы по известным праздникам крестьянин приносил петуха.

Эти специальные поборы в пользу духовенства были тем более ненавистны крестьянам, что попадали, главным образом, в карманы высшего духовенства (епископов, игуменов, настоятелей соборных церквей), или уходили в казну „наместника христова на земле“—римского папы *). Между тем представители этой церковной аристократии, обычно совмещавшие по несколько должностей, очень мало занимались христианским просвещением своей паствы, предоставляя это скучное занятие своим заместителям. Епископы и аббаты сосредоточивали в своих руках огромные земельные и денежные богатства, беспошлинно занимались всякого рода торговыми операциями, давали

„Всякое даяние благо“—духовенство не брезговало ничем.

*) Папа открыто торговал наиболее доходными церковными должностями, раздавая епископские и монастырские кафедры всем, кто был достаточно богат, чтобы заплатить за это римскому первосвященнику половину своего будущего годового дохода. Низшее городское и сельское духовенство, в своей значительной части, находилось в бедственном положении, что сближало его с крестьянством.

ссуды под ростовщические проценты, эксплоатировали мельницы и солеварни, держали кабаки, игорные притоны, даже публичные дома для знати, в которые превращались к тому времени женские монастыри. Эти важные духовные сеньеры, возмущавшие народ своей роскошью, праздной и развратной жизнью, свободой от всяких податей и повинностей, фактической безнаказанностью своих преступлений (по всем делам духовенство было подсудно только своим церковным судам, всегда мирволившим „святым отцам“), выгодно торговавшие грамотами с отпущением грехов (индульгенции), всякого рода реликвиями и т. п.,—были в глазах крестьян живым олицетворением того гнета, который тяготел теперь над мужиком. Уже „Реформация Сигизмунда“ требовала лишения духовенства светской власти и всех владений, уничтожения торговли церковными должностями, совместительства, назначения священникам определенного содержания. Монастыри, которые не согласятся дать волю своим крепостным, должны быть разрушены до основания.

В крестьянских требованиях, составленных в 1525 году, находим многочисленные жалобы на произвольное повышение штрафов и взысканий („Frevel“), налагавшихся господскими судами за разного рода провинности. Недаром крестьянам долины Неккара и Оденвальда пришлось выдвинуть такое, казалось бы, элементарное требование, „чтобы каждый нес наказание на основании права, сообразно своей вине, как это было встарину“.

Алчность некоторых господ заходила так далеко, что, в качестве судей, они присваивали себе всякое краденое имущество. Состояние тогдашних судов вообще было таково, что крестьянину было бесполезно к ним обращаться; классовый суд дворян и высшего духовенства был беспощаден к простому человеку.

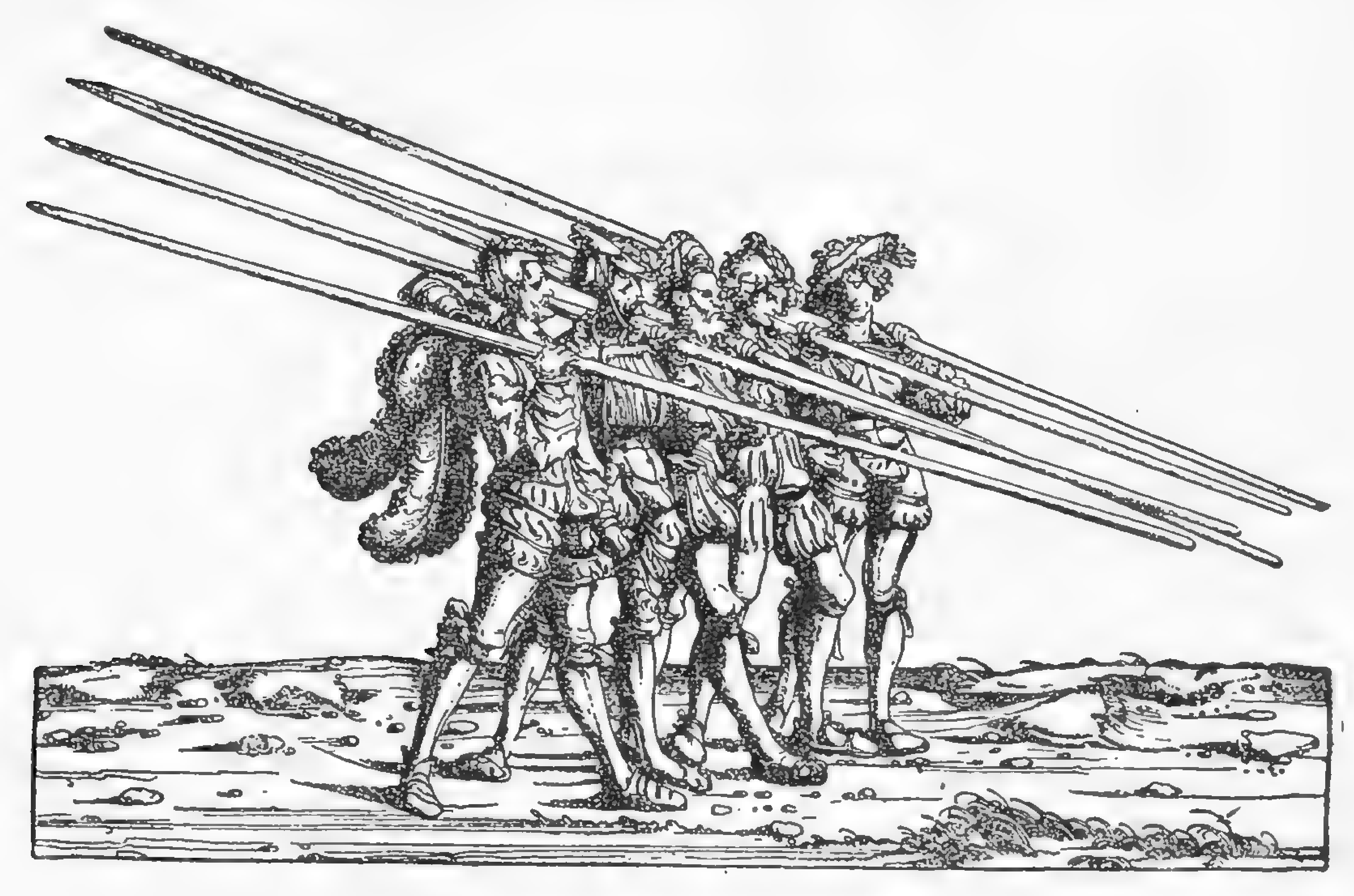
Еще тяжелее отражалось на крестьянах усиление барщины и других повинностей. Штилингенские (Верхняя Швабия) крестьяне жаловались в своих „статьях“, что, вследствие обременения их всевозможными барщинами, им не удается обрабатывать во время своих полей, что часто в разгар полевых работ граф заставляет их собирать землянику, грибы, рубить можжевельник и т. п. Из других „статей“ узнаем, что крестьяне были обязаны возить навоз на барское поле; дергать, трепать и сушить коноплю, белить холст, спускать воду из прудов; вскармливать господских охотничьих собак, которые постоянно душат крестьянскую птицу; возить на продажу господский хлеб и вино; снабжать замок дровами и строевым лесом и т. д.—до бесконечности.

Не довольствуясь оброком и барщинами, за исполнение которых обычно ничего не платят, господа заставляют служить себе деревенскую молодежь, с которой обращаются самым жестоким образом.

Все эти „неслыханные“ новшества находили себе идеологическое обоснование и оправдание в юридических теориях, заимствованных тогдашними юристами из римского права. В руках услужливых юристов это право оказывалось превосходным оружием, когда надо было доказать, что вся земля составляет собственность помещика, что крестьянин—не более как арендатор господской земли, а то и просто раб („servus“); что у него нет никаких прав на пользование угодьями и т. п —Отсюда—необыкновенная ненависть к римским юристам, замечавшаяся в XV—XVI в. среди народных масс. „Извратители права“, „кровопийцы“ и „сниматели последней сумы с бедняка“—вот те эпитеты, которыми обычно награждали тогда крестьяне эту породу людей.

В „Реформации Фридриха III“*), а впоследствии в Гейльбронской программе прямо требовалось „уничтожение всех докторов светского и церковного права“.

Крестьянское хозяйство разрушалось не только под тяжестью новых оброков и повинностей, которые спешили выколотить из него духовные и светские феодалы, но и под напором начинавшего проникать в деревню **капитала**. Ссужая деньгами помещика, богатый городской буржуа обеспечивал себе исправную уплату процентов, получая право на взимание чинша или других оброков с **крестьян**. Эти новые люди, не связанные ни старинными обычаями, ни личными отношениями с местным населением, эксплоатировали крестьян еще беспощаднее, чем старые господа. Недаром даже Лютер называл покупщиков чиншей и рент „убийцами и разбойниками, которые пожинают там, где не сеяли“.

Наемные солдаты—ландскнехты.

Отсутствие дешевого кредита отдавало крестьян в лапы местных или городских ростовщиков, которые, пользуясь безвыходным положением мужика, драли с него по 30—50, даже по 80% за ссуду. Очень часто крестьянин получает ссуду под залог будущей жатвы, так что „то, что уродится у бедного человека, уже не принадлежит ему“.

Эксплоатировали крестьянина и монопольные торговые компании, произвольно устанавливавшие цены на хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Таким образом, уже с начала XV века, наряду с усилением чисто феодального гнета, началась эксплоатация крестьянина торгово-ростовщическим капиталом. Между тем, сам крестьянин с трудом мог использовать те возможности, которые открывались для него с развитием денежного хозяйства в стране: без разрешения помещика он не мог продать сено, собранное с собственного луга, или снести на рынок курицу, не справившись предварительно, не купят ли ее в замке.

*) Документ, аналогичный «Реформации Сигизмунда».

Характеристика положения крестьян была бы неполною, если бы мы не упомянули об опустошительных войнах, свирепствовавших на юге и севере Германии в конце XV века. Не надо забывать, что и здесь крестьянин был козлом отпущения: правда, тогдашние войны велись с помощью наемных солдат (ландскнехтов), но обе воюющие стороны старались, прежде всего, разорить дотла крестьян противника; поэтому поход через чужую территорию непременно сопровождался массовыми грабежами, поджогами деревень и т. п.

Приниженное положение крестьянства нашло свое отражение и в том высокомерном презрении к мужику, которым полна церковно-дворянская литература XV века.

II.

Резкое ухудшение в положении крестьянства, наступившее уже с XV века, не могло не вызвать недовольства и брожения среди крестьянских масс. Крестьянин начинал сознавать, что это он „кормит своим горьким потом дворян и попов", что пора положить конец тому непосильному гнету, который лежит на его спине. На юго-западе Германии крестьяне вдохновлялись воспоминаниями о борьбе за свободу соседних швейцарцев и их блестящей победе над угнетателями. „Вся Германия должна стать Швейцарией",—говорили по деревням.

Крестьянские волнения и восстания начинаются со второй половины XV века и с небольшими промежутками идут вплоть до настоящей крестьянской революции 1525 года, которая, в сущности, была лишь завершением давно назревавшего движения.

Но крестьянство отдельных областей Германии было слишком разрознено, слишком угнетено и забито, чтобы оно могло сразу выступить почти повсеместно, как это случилось в 1525 г. Неудивительно, что крестьянские движения, предшествовавшие революции, носили чисто местный, частичный характер. Таковы были восстания крестьян Зальцбурга (1462 г.), движение в Каринтии (1478 г.), неудавшийся заговор Вегейма („литаврщика из Никласгаузена") во владениях епископа Вюрцбургского в 1476 году, в Эльзасе (1468 г.) и отдельных областях Верхнего Рейна, восстание крестьян Кемптенского аббатства (1491 г.) и т. д.

В 1493 году среди крестьян Эльзаса возникает тайная организация под именем „Союз Башмака" *). Организация была разгромлена властями, прежде чем успела подготовить выступление. В 1502 году „Башмак" возрождается в Шпейере. После провала организации одним священником-провокатором, временно наступает некоторое затишье. Но остатки подпольных кружков и странствующие организаторы Союза уцелели. В 1513 году бывший солдат Иост Фриц создает организацию „Башмака" в Бадене. Преждевременная попытка захватить город Фрейбург повлекла за собою аресты и казни многих членов Союза, но Фрицу удалось ускользнуть в Швейцарию и даже спасти знамя „Башмака", которое он унес, обернув его вокруг тела. В 1517 году тот же Фриц организует (вскоре раскрытый) заговор в Шварцвальде.

Одновременно с заговором „Башмака", в Бадене и в Вюртемберге создалась нелегальная организация под именем „Бедного Конрада"; в 1514 году под ее руководством здесь вспыхнуло восстание крестьян, которым удалось даже добиться некоторых уступок со стороны мест-

*) Крестьянский башмак становится на ближайшие 20 лет знаменем всех крестьянских восстаний.

84 Гражданские сети.

ного государя (герцога Ульриха). Но беспечность крестьян, которые поверили пустым обещаниям герцога и стали расходиться по домам, погубила все дело: крестьяне были разоружены и подверглись суровой расправе. В Бадене подготовлявшееся восстание „Бедного Конрада“ удалось подавить в самом начале. В 1513—14 г. в Штирии, Каринтии и Крайне происходили движения, напоминавшие заговор „Башмака“. В 1514 г. в Венгрии господам едва удалось остановить массовый уход крестьян с земли, начавшийся под предлогом организации нового крестового похода против турок.

Тайное собрание „Башмака“.

Все эти разрозненные вспышки, заговоры и восстания, начинавшиеся по отдельным областям в разное время, легко пресекались властями. До конца 70 годов XV в. в этих движениях еще не выдвигаются какие либо общие лозунги: требования крестьян носят чисто местный характер. Но уже со времени франконского восстания 1476 года в крестьянских требованиях появляются пункты, предвосхищающие некоторые лозунги, под которыми пойдет потом крестьянская война 1525 года. Программа „Башмака“ требовала, между прочим, полной свободы пользования лесом, водами и прочими угодьями; отмены десятин, чиншей, пошлин и др. поборов; конфискации и раздела между народом имущества монастырей и высшего духовенства и богатой буржуазии; лишения князей и господ всей власти, которая останется только у папы и императора; зачисления процентов в уплату долга и т. п.

III.

Со времени ликвидации заговора „Башмака“ в Шварцвальде в 1517 г. массовое крестьянское движение временно затихает. В течение ближайших лет оно как бы растворяется в общенациональном движении против папства, известном под именем реформации. Проповедь

Лютера, громившего любостяжательных прелатов *), требовавшего „умножить число земледельцев и сократить купцов“, — всколыхнула самые забитые и отсталые массы и снова окрылила их надеждами.

Крестьяне ждали, что за церковной реформой последует отмена всех налогов и повинностей и установление „евангельского равенства“. С еще большей жадностью прислушивался крестьянин к агитации радикальных проповедников (Шторха, Карлштадта, Мюнцера, Шапеллера и др.), которые широко пользовались свободой устного и печатного слова, фактически существовавшей в первые годы реформации. Эти народные проповедники уже тогда шли дальше Лютера. Мюнцер, бывший проповедником в Альтштедте (в Тюрингии) отстаивал первенство „внутреннего откровения“ (т. е., в конце концов, силы **разума**) над библией, требовал уничтожения духовенства, как обособленного от мирян общественного слоя (идея „всеобщего священства“) и призывал народ и князей к вооруженному восстанию против римских попов. Другие агитаторы нападали на церковную десятину и ростовщичество, требовали „всеобщего прощения долгов“ и т. п.

Однако, надежды крестьян на близкое и легкое освобождение не оправдались. Уничтожение зависимости от Рима, которое можно было считать решенным со времени Вормского Сейма 1521 года, вскрыло всю глубину классовых противоречий, которые до поры до времени затушевывались лозунгом борьбы против папства. Внутри прежде единой оппозиции произошло размежевание, образовались, по крайней мере, три политических лагеря: 1) князья и высшее духовенство, 2) масса низшего дворянства и зажиточных горожан, 3) крестьяне и беднейшие слои городского населения. Обе первые группировки хотели теперь захватить в свои руки богатства церкви и подчинить себе духовенство, сделав из него одно из орудий классового господства над народными низами. После разгрома восстания рыцарей, пытавшихся уничтожить власть князей и превратить Германию в дворянскую демократию с бессильным императором во главе, стало очевидно, что плодами

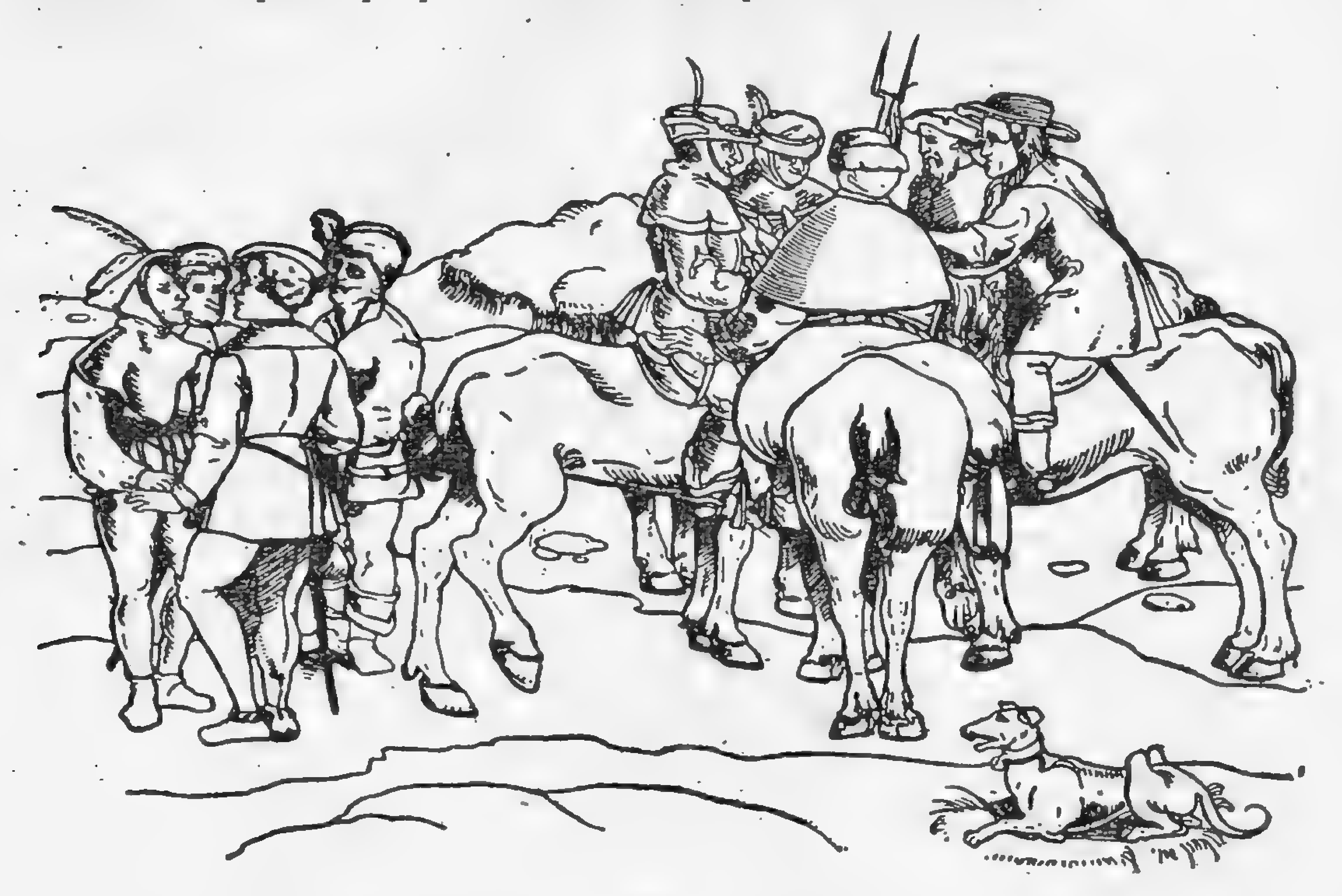

Борьба против римского папы, монашества и помещиков. (Гравюра на дереве 1522 г.).

*) Прелаты—духовные лица, имевшие право суда.

церковной реформы воспользуются только князья. „Наша задача,—писал теперь перешедший на сторону князей Лютер,—только в том, чтобы оторвать **сердца** от монастырей, а не в том, чтобы нападать на последние. Если сердца им уже не принадлежат, если церкви и монастыри опустели, то пусть **государи** делают с ними все, что им угодно".

Убедившись, что им нечего ожидать от лютеранской реформации, крестьяне снова становятся на путь самостоятельных выступлений, широко используя идеологию и организационные навыки, выработанные в период разрозненных заговоров и восстаний.

Восставшие крестьяне.

Новое восстание, получившее название **крестьянской войны**, приняло общенациональный характер. На юго-западе оно охватило Верхнюю Швабию и Шварцвальд, Эльзас и Гессен; на юге—Франконию (теперешняя Бавария), Тироль и Зальцбург; в центре—Тюрингию; в общем—более половины тогдашней Германии. Движение началось как раз в тех областях, где еще недавно действовали организации „Башмака" и „Бедного Конрада". Раньше всего оно вспыхнуло во Франконии и Шварцвальде (летом 1524 г.); отсюда в конце 24-го и начале 25 года перекинулось в Верхнюю Швабию и Эльзас. Одновременно в движение были вовлечены крестьяне Зальцбурга, Верхней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны, несколько позже—Тюрингии, Тироля и других областей.

В ходе крестьянской революции можно различать, приблизительно, четыре периода: 1) стадию раздробленных выступлений крестьян (до января 1525 года), 2) период организационной подготовки восстания (с января до начала апреля 1525 г.), 3) период военных действий и наибольших успехов восстания (до начала мая), 4) период поражения и ликвидации восстания (с мая 1525 г. по июль 1526 г.).

В первый период движение ограничивается областями, лежащими вдоль швейцарской границы, от Шварцвальда до Боденского озера; выдвигаемые крестьянами требования носят чисто местный характер

и пред‘являются отдельным господам; крестьяне еше не делают никаких попыток связаться друг с другом.

Во второй период движение разростается на всю территорию между Дунаем, Лехом и Боденским озером. Крестьяне отдельных районов организуются в отряды или „кучки“, рассылают воззвания и эмиссаров по соседним районам, чтобы поднять крестьян против господ.

Кучки вступают между собою в союзы и создают организации для совместной защиты и выработки общих требований, которые и пред‘являются затем господам всей данной области. Впредь до ответа на свои требования, крестьяне обычно перестают нести повинности и платить оброки.

Движение носит в этой стадии еще мирный, скорее оборонительный, чем наступательный характер; но „кучки“ уже захватывают мелкие города, превращая их в свои военно-стратегические базы; занимают своими гарнизонами за́мки и монастыри с тем, чтобы, в случае открытия военных действий, эти укрепленные места не превратились в опорные пункты для неприятеля. Но местами уже был выдвинут лозунг полного разрушения за́мков.

В охваченных восстанием районах переставали действовать обычные власти, а потому крестьянам приходилось создавать собственные органы для обеспечения мира и порядка. Этот организационный процесс особенно отчетливо можно проследить по ходу восстания в Верхней Швабии. Здесь дело началось с создания трех больших крестьянских отрядов, каждый из которых об‘единял крестьян всех деревень данного округа. 7-го марта эти три отряда вступают между собою в „Христианский Союз“; уполномоченные Союза собираются в г. Меммингене для выработки союзного военно-политического устройства и общей программы требований. Этот крестьянский парламент, имевший до конца марта три сессии, берет на себя ведение переговоров с господами всей Верхней Швабии.

В этот же период появляются так называемые и „12 статей“, которые вскоре становятся общекрестьянской программой повстанцев по всей **юго-западной Германии**. „12 статей“ возникли в Шварцвальде, в конце 1524 или в начале 1525 года. Остов для них дали жалобы местных крестьян; дополнения и окончательная редакция „Статей“ принадлежали проповеднику г. Вальдсгута—Бальтазару Губмайеру. Из Шварцвальда „12 статей“ были занесены в Верхнюю Швабию. Их принял, с некоторыми видоизменениями заседавший в Меммингене крестьянский парламент: так возник в конце февраля или в начале марта 25 г., так называемый, „Меммингенский Проект“.

„12 статей“, содержавшие в себе наиболее популярные крестьянские требования, стали образцом и получили широчайшее распространение во всех охваченных революцией районах.

В подзаголовке „12 статей“ говорится, что это—„основные и справедливые главные статьи **всего крестьянства и зависимых людей**“. В статьях находим требование уничтожения личной крепостной зависимости; требование свободы охоты и рыбной ловли; возвращения общинам лесов, вод и прочих угодий, захваченных помещиками и монастырями; сокращения барщины до ее старинных, обычных размеров; оплаты экстренных работ, не предусмотренных соглашением. Далее в программе имелись пункты о необходимости пересмотреть размеры чиншей, отменить „посмертный побор“ и „малую десятину“. „Большая десятина“ сохраняется; она собирается избранным общиной церковным старостой и идет на содержание священника и бедных. Священник

должен отныне избираться самой общиной и проповедывать „чистое евангелие".

В заключение „статей" говорилось, что крестьяне готовы отступиться от любого из перечисленных требований, если будет доказано, что оно „несогласно со словом божьим".

Чтобы обосновать свои требования, крестьяне ссылаются по каждому пункту на те или иные места из писания. Так, пункт об отмене „малой десятины" мотивируется тем, что ее нет в ветхом завете; необходимость отмены личной крепости доказывается тем, что „Христос своею кровью искупил всех без исключения, от самого высокопоставленного до пастуха" и т. п.

Эта религиозная фразеология вполне об'ясняется условиями времени, хотя надо сказать, что первоначально многие крестьянские жалобы не содержали в себе ссылок на писание, которые вносились обычно, при ученой редакции „статей" каким-нибудь популярным в народе проповедником. В XVI веке крестьянская идеология не могла не носить этой религиозной оболочки, прежде всего, потому, что в те времена все миросозерцание носило религиозный характер, чисто светской науки тогда не существовало, а библия была своего рода энциклопедией, откуда почерпались сведения по всем отраслям знания. На библии воспитывалась и вся тогдашняя интеллигенция, из которой выходили идеологи как господствующих, так и угнетенных классов. Поэтому, нет ничего удивительного, что аргументы от писания играли такую роль в социально-политических программах, воззваниях и памфлетах того времени. Кроме того, крестьяне и их идеологи должны были уцепиться за теорию „божественного права", хотя бы уже потому, что тогдашние юристы защищали новые притязания помещиков ссылками на римское право. Но только историки-идеалисты или правоверные католики могут делать отсюда вывод, что крестьянская война была порождением «лютеровой ереси».

Однако, далеко не всякий „доктор теологии" мог быть подходящим для крестьян истолкователем „божественного права" и „христова учения". Ученый сотрудник Лютера—Меланхтон, опровергая справедливость крестьянских требоваиий, тоже ссылался на авторитет библии; в частности, по его мнению, крестьяне напрасно протестовали против закрепощения их помещиками и монастырями: „Христос освободил нас лишь в духовном, а не в телесном смысле". Мужик должен терпеливо сносить весь гнет и все издевательства господ, памятуя слова того же Христа, „что взявший меч, от меча погибнет."

Отсюда, между прочим, видно, до какой степени „божественное право" в понимании крестьян отличалось от толковании его „холопами князей" и господ вроде Лютера и Меланхтона! Вот почему пункт об избрании священника общиной и проповеди „чистого евангелия без всякого человеческого добавления" красуется в „12 статьях" на первом плане. Крестьяне великолепно понимали. что только облюбованный ими самими проповедник не будет агентом князей и господ и не станет просвещать их в духе покорности и повиновения властям предержащим. Одно из требований крестьян Кольмара (Эльзас) прямо гласило: „Могут остаться только такие священники, которые будут проповедывать не по указке капитулов" *).

*) Капитул—корпорация из духовных лиц при епископе, настоятеле монастыря или соборной церкви.

В общем требования „12 статей“ отличались умеренностью. Так, они не претендуют на полную отмену повинностей и оброков, а хотят лишь устранить произвол господ при их взимании. Приходится отметить и весьма бережное отношение к благоприобретенным правам. Так „12 статей“ допускают выкуп „малой десятины“, в том случае, если она была продана кому-либо. Принцип выкупа распространяется и на общинные угодья, приобретенные у господина третьим лицом. В заключение „жалоб“ крестьяне дают понять, что готовы пойти на уступки в своих требованиях, если будет доказано, что они противоречат Писанию. Эта умеренность „12 статей“ особенно бросается в глаза при сопоставлении их с некоторыми местными жалобами крестьян. Так, в „24 статьях“ крестьян Зюндгау (в Эльзасе) находим требование отмены чинша с вновь распаханных земель; крестьяне среднего Эльзаса требовали отмены не только „малой“, но и „большой“ десятины. В других „статьях“ встречаем требование отмены всех барщин в пользу господ, а также специальные статьи, направленные против духовенства: требование отмены духовной юрисдикции (права суда), совместительства и т. п. В одной из местных программ читаем: „Крестьяне светских и духовных господ вольны, свободны распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом“.

В **Тироле**, где положение крестьян было наиболее благоприятным (здесь не было крепостничества, и крестьяне сохранили право представительства в местном ландтаге), они требовали уничтожения светской власти духовенства, конфискации церковных имуществ, введения выборного начала в церковное устройство.

Здесь же возникла наиболее радикальная крестьянская программа в духе аграрного социализма. Эта программа, автором которой был Гейсмайер, требовала превращения Тироля в основанную на „божественном праве“ демократическую крестьянскую республику. Сельское хозяйство должно играть главную роль в экономике страны. Города должны быть срыты вместе с замками; купцы и ростовщики—исчезнуть; „пусть никто не пятнает себя грехом лихоимства“. Программа допускает сохранение некоторых ремесл, необходимых для обслуживания деревни, но требует национализации промышленности и сосредоточения ее в одном месте страны, где должны изготовляться, под наблюдением должностных лиц, нужные крестьянству товары и продаваться по себестоимости. В интересах под‘ема сельского хозяйства программа требует осушения болот и др. мелиоративных мероприятий.

Во **Франконии**, где вожаки крестьян пытались установить смычку с городской буржуазией для совместной борьбы против князей и духовенства, возник социально-политический проект, в котором чисто крестьянские интересы отступают уже на задний план. Этот проект, автором которого был, как полагают, некий Вейгандт *), возник в г. Гейльброне, бывшем одно время штаб-квартирой восставших крестьян.

„Гейльбронская программа“ имела в виду уничтожение власти князей и политическое об‘единение Германии под властью императора и ряд экономических реформ в духе оппозиционной буржуазии: единство монеты, мер и весов, уничтожение внутренних застав и пошлин, равенство всех сословий перед законом, однообразное судоустройство, установление общеимперского мира и т. п. В то же время в программе намечается ряд мероприятий, которые должны оградить мелкую и среднюю буржуазию от эксплоатации со стороны крупного торгово-ростовщического капитала (ограничение размеров торгового капитала

*) Чиновник по финансовому ведомству, состоявший на службе у курфюрста Майнцского.

и величины процентов, уничтожение привилегий торговых компаний и т. п.). Церковные имущества должны быть переданы в распоряжение светской власти. Церковь реформируется на демократических началах. Все светское, действовавшее до тех пор римское право отменяется, его место должно занять доступное для всеобщего понимания „божественное и естественное право“. В интересах крестьянства программа требовала выкупа всех земельных налогов путем капитализации их из 5%. *)

Смерть угнетателя-крепостника.

IV.

В конце 1524 г. и начале 1525 года положение восставших крестьян было исключительно благоприятно: большая часть войск Швабского Союза **) была отправлена в Италию, где германский император Карл V вел войну с французским королем. В распоряжении Союза было не больше 10 тысяч, состоящих под начальством Георга Вальдбурга. С такими силами нечего было и думать о немедленном подавлении движения. В то же время крестьянам предлагал свою поддержку изгнанный Швабским Союзом из Вюртемберга герцог Ульрих, который надеялся получить обратно корону с помощью восставших крестьян. Герцог уже ввел в Вюртемберг своих швейцарских наемников. Вот почему первое время князья и господа проявили полнейшую растерянность. По выражению одного современника, они вели себя, как „старые бабы“ и „чуть не умерли от страха“, думая не о сопротивлении, а лишь о спасении своего имущества какой угодно ценой. Некоторые из господ, особенно мелкие рыцари, приняли „12 статей“ и даже вошли в союз с мятежниками; другие вынуждены были пойти на переговоры с крестьянами, чтобы выиграть время для накопления достаточной военной силы. При этом господа уклонялись от сколько-нибудь определенных ответов на крестьянские жалобы, окончательное решение вопроса передавалось на усмотрение различных посред-

*) Мы не останавливаемся здесь на социально-политической программе Мюнцера, превосхищавшей освободительные стремления будущего пролетариата, но не получившей сколько-нибудь широкого признания среди крестьян и городской бедноты.

**) Союз князей, имперских городов и др. имперских сословий (чинов) Швабии.

ников, в роли которых чаще всего выступали города или суды. В ожидании соглашения обе стороны обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий.

Между тем, общая ситуация изменилась не в пользу крестьян. 24 февраля 1525 г. французская армия была уничтожена в битве при Павии, и конница Карла V освободилась для военных действий против крестьян. Победа императора положила конец и авантюре герцога Ульриха: оставленный своими швейцарцами, он вынужден был уже 15 марта бежать из Вюртемберга. Наместнику императора удалось занять у аугсбургской торговой фирмы Вельзеров крупную сумму на подавление восстания. Теперь и Швабский Союз сбросил маску миролюбия и начал стягивать свои войска еще до истечения срока перемирия.

„Кучка“ выступает в поход на господ.

Ввиду явно враждебной позиции, занятой противником, крестьянский парламент в Меммингене постановил со 2-го апреля начать повсеместно военные действия и распространил составленный Губмайером „Манифест“, рекомендовавший разрушать замки и монастыри.

Начинается новая (третья) стадия в ходе крестьянской революции. Всюду—в Верхней Швабии, Франконии, Гессене, Пфальце крестьяне снова мобилизуют свои отряды и переходят к массовому разрушению замков и монастырей, при чем старательно уничтожают всякого рода грамоты и описи, содержавшие в себе перечисление повинностей и оброков. В одной Тюрингии было разгромлено 70 монастырей, во Франконии—292 замка и 52 монастыря.

Это разрушение замков и монастырей имело как стратегическое, так и социальное значение: крестьяне хотели одновременно и уничтожить опорные пункты противника и выкурить ненавистных господ из их насиженных гнезд. В то же время крестьянские „кучки" захватывают города и местечки, принуждая их вступать в свой союз. Во Франконии крестьянам удается взять г. Вейнсберг и Гейльброн, который становится штаб-квартирой местного движения. В Вюрцбурге крестьяне силой оружия добиваются участия их делегатов в местном ландтаге, а с возобновлением военных действий начинают осаду г. Франкенберга. В Пфальце и епископстве Шпейерском крестьянам также удалось занять ряд городов и заставить епископа и курфюрста подписать соглашение, в силу которого все чинши и др. оброки приостанавливались „до общей реформации". В Вюртемберге крестьяне заняли ряд военно-стратегических пунктов; 25 апреля городская беднота Штуттгарта открыла крестьянам городские ворота. В Эльзасе войска австрийского правительства оказались бессильны; к половине мая почти вся область была в руках повстанцев.

Успехи крестьянских отрядов были столь значительны, что внушали самые серьезные опасения господствующим классам. Лютер обращается к крестьянству с „Увещанием в пользу мира", в котором убеждает „дорогих господ и братьев оставить меч и не идти против властей, чтобы не погубить своих душ". „Страдания, страдания, крест —вот единственное право христианина".

Вскоре, однако, Швабский Союз и отдельные государи накопили достаточные силы, чтобы начать усмирение. В Верхней Швабии Георгу Вальдбургу уже в половине апреля удалось разбить некоторые отряды, входившие в „Христианский Союз". В течение мая и июля 25 г. крестьяне понесли ряд тяжелых поражений в Оденвальде, долине Неккара и Нижней Франконии; в конце июля была разгромлена последняя „кучка" в Верхней Швабии. За месяц перед тем было разбито войско под начальством Мюнцера, пал Мюльгаузен, что означало ликвидацию восстания в Тюрингии. В Эльзасе движение было задушено с помощью французских войск в сентябре (25 г.). В Шварцвальде движение было ликвидировано зимой того же года. Дольше всего крестьяне продержались в Тироле, где решительное поражение было нанесено им лишь в июне 1526 года.

Побежденных крестьян ждала жестокая расправа. Господа не находили достаточно зверских казней, чтобы удовлетворить свое чувство мести. Множество городов и деревень было сожжено; победы князей заканчивались казнями десятков пленных; в Мюльгаузене обезглавили более 100 человек. К концу 1526 года в одной только Швабии насчитывали до 10.000 казненных; общее же число жертв крестьянской войны приходится определить не менее, чем в 100 тысяч человек. Брошенные в тюрьмы повстанцы подвергались медленным истязаниям, которые заканчивались жестокими увечьями—отрубанием пальцев, выкалыванием глаз и т. п. Наиболее жестоким казням подвергали захваченных в плен крестьянских вождей. Обычно их вешали или четвертовали и обезглавливали; мертвые головы выставлялись на кольях по дорогам. Вождя крестьян из долины Неккара сожгли на медленном огне на глазах у Вальдбурга, тут же пировавшего со своими приспешниками. Лишь немногим из вожаков удалось спастись в Швейцарию.

Эти зверские расправы с крестьянами вдохновлялись и поощрялись теперь самим Лютером, выпустившим особый памфлет—«Про-

тив разбойников и убийц—бунтующих крестьян“. Лютер призывал князей и господ истреблять мятежников «явно и тайно», как «бешеных собак». «Терпение и сострадание,—писал Лютер, не годится: теперь время меча и гнева ... Падший в борьбе за правительство будет истинным мучеником перед богом ... Всякого же, кто станет на сторону крестьян, ожидает огонь вечный... Теперь такое время, когда князь заслужит милость небес кровопролитием больше, чем другие—молитвой. Коли, бей, дави—кто может!...».

Рядом с казнями шло вымогательство контрибуций, штрафов и возмещений убытков, понесенных помещиками и духовенством. Все уступки, сделанные крестьянам во время революции, были взяты обратно. Оброки и барщины были восстановлены в прежних размерах

Как расправлялись духовные и светские владыки с крестьянством.

V.

Крестьянская революция XVI века потерпела поражение не потому, что она, якобы, выдвигала экономически-реакционные требования, противоречившие всему ходу общественного развития, тянувшие Германию назад, к средневековью, как это утверждали некоторые буржуазные историки. Основные требования немецких крестьян в начале XVI века были те же, что и их французских собратьев в конце XVIII века. И там и здесь выдвигался лозунг уничтожения крепостничества, отмены оброков и повинностей; и там и здесь крестьяне требовали возвращения всех общинных угодий, некогда захваченных помещиками и монастырями. Осуществление требований, выдвинутых революцией 1525 года, дало бы только новый мощный толчок дальнейшему развитию капитализма в Германии.

И во Франции и в Германии крестьянская революция была ответом на феодальную реакцию; но во Франции одним из результатов Великой революции было полное искоренение остатков феодализма и превращение крестьян в свободных собственников их земли.

В Германии крестьянская война повела к новому усилению феодально-крепостнического гнета, и окончательное освобождение затянулось до революции 1848 года.

Однако, и революция английских крестьян XIV века (так называемое, восстание Уота Тайлера) закончилась их поражением, но там оно не повело к усилению закрепощения крестьян; наоборот, в ближайшие десятилетия процесс замены барщин и др. повинностей денежными взносами пошел еще быстрее, несвободные категории крестьян исчезали. Отмирание крепостничества произошло здесь, несмотря на подавление крестьянского восстания, потому, что Англия энергично двинулась тогда по пути экономического прогресса. В Германии результаты получились иные, т. к. начавшийся с конца XV века экономический под'ем был надолго прерван изменением направления важнейших путей тогдашней мировой торговли,—изменением, сопровождавшимся экономическим регрессом и запустением южно-германских городов, упадком денежного хозяйства и т. п. Опустошительные войны XVII века и их социально-политические последствия только усилили этот процесс.

Причину поражения крестьянской революции XVI века надо искать, прежде всего, в **неблагоприятном для крестьян соотношении общественных сил.** Когда началась крестьянская война, рыцарское восстание было уже побеждено; против мужика образовался внушительный фронт реакции из духовных и светских князей, высшего и низшего дворянства, а также городской знати.

Союзниками крестьян могла быть только бесправная городская беднота, а также те немногочисленные кадры настоящего пролетариата, которые имелись в горной промышленности, уже и тогда организованной в форме крупно-капиталистических предприятий. Эти горнорабочие отличались сплоченностью, дисциплинированностью и уменьем владеть оружием Но, несмотря на энергичную агитацию Мюнцера среди горнорабочих графства Манцфельда, ему так и не удалось втянуть их в активное выступление совместно с крестьянством.

Городская беднота, напротив, сыграла в крестьянской войне крупную роль. Низы городского населения частью сами были заинтересованы в осуществлении крестьянских требований, поскольку феодально-крепостническое отношение сохранилось и в пределах города; частью примкнули к крестьянам, надеясь повести в союзе с ними успешную борьбу с городской знатью („патрициатом“), захватившей в свои руки городское управление и жестоко эксплоатировавшей бесправную часть населения. Многие из городской голытьбы хорошо знали горькую долю крестьянина по своему собственному недавнему опыту; ненависть к духовенству и его привилегиям чувствовалась в городских массах не менее остро, чем среди крестьянства. Лозунг отобрания имуществ церквей и монастырей и лишения духовенства всех его привилегий был чрезвычайно популярен. Местами городская беднота была не прочь конфисковать и поделить между собою и богатства купеческой аристократии. В этом лозунге «сделать богатых бедными» проявлялись, главным образом, смутные стремления городского люмпен-пролетариата.

Там, где городская беднота вступала в крестьянские отряды, она составляла более революционную фракцию внутри крестьянского движения. Известно, что „Черный отряд“ Флориана Гейера, состоявший

преимущественно из бедняков Роттенбурга и Эринга, держался наиболее решительной тактики среди других франконских кучек.

Местами к крестьянам тяготела и умеренно-оппозиционная часть городской буржуазии (цеховые и нецеховые мастера), разорявшаяся под напором торгового капитала, добивавшаяся участия в управлении городом, уменьшения прямых и косвенных налогов, отмены податных привилегий духовенства и устранения его конкуренции в некоторых отраслях городского ремесла.

В других городах буржуазия не желала обострения борьбы между крестьянами и господами, опасаясь, что военные действия причинят большие убытки городской торговле. Именно эти, чисто экономические, мотивы заставляли города выступать в роли посредников между обоими лагерями. Такова была роль Кольмара, Страссбурга и швейцарских городов во время крестьянского восстания в Эльзасе.

Но этот союзник был в высшей степени ненадежен: успехи крестьянского восстания обычно вели к сближению зажиточных горожан с патрициатом. Со времени побед Георга Вальдбурга исчезли последние симпатии зажиточных горожан к крестьянству. Порой занятые крестьянами города изменнически запирали перед отступавшими „кучками" свои ворота, и таким образом содействовали разгрому повстанцев, как это, например, было в Шлеттштадте (Эльзас).

С приближением крестьянских отрядов городская беднота обычно приходила в движение и требовала от городского совета впуска повстанцев в город или свергала старые городские власти, сама отворяла крестьянам ворота и вступала с ними в „братский союз", всецело присоединяясь к их требованиям, сжигала грамоты и реестры местных монастырей и капитулов и т. п.

В захваченных городах крестьянские отряды запасались провиантом, оружием, пополняли свои боевые кассы за счет имущества монастырей и соборов; местами удавалось получить контрибуцию с городской знати. Некоторые города (как Мемминген в В. Швабии, Штуттгарт в Вюртемберге, Гейльброн и Нюренберг во Франконии, Мюльгаузен в Тюрингии) превращались в военно-политические центры восставших крестьян всей данной области.

На сторону крестьян становились, главным образом, небольшие города, где значительная часть населения жила сельским хозяйством и нередко находилась в феодальной зависимости от духовных или светских господ. Многие города сдавались крестьянам, уступая силе. Города, где знать и богатая торгово-промышленная буржуазия пользовались значительным социальным весом или где классовые противоречия между различными группами населения были недостаточно обострены,—как правило, не присоединились к крестьянской революции. Ни один из имперских городов не открыл ворот крестьянам, хотя многие вели с ними переговоры. Некоторые города не довольствовались нейтральным положением и становились операционными базами для дворянских отрядов.

Поражению крестьянского восстания в немалой степени способствовала **разновременность выступлений отдельных областей**, об'яснявшаяся политической раздробленностью тогдашней Германии и партикуляризмом различных ее частей, отсутствием или слабостью солидарности между крестьянами не только разных государств и областей, но, порою, и разных деревень одной и той же округи.

Настоящее восстание в Верхней и Нижней Австрии, в Штирии, Каринтии, Крайне и в Тироле началось в то время, когда в осталь-

ной Германии крестьяне были уже разбиты. Преодолев сопротивление врага в своей области, крестьянские отряды нередко расходились по домам, не думая о судьбе нуждавшихся в их помощи соседях. Даже те крестьянские „кучки“, которые об‘единялись в Союзы, энергично отстаивали свою самостоятельность, упорно противясь всякой централизации и допуская лишь федеративный тип связи. Крупные отряды распадались из-за неважных разногласий. Можно указать поразительный случай, когда одна из верхнешвабских „кучек“ (крестьяне с боденского озера, „приозерцы“), заключившая перед тем выгодный для себя договор с Вальдбургом, выступила на помощь городам верхне-рейнской области, осажденным гегауским отрядом крестьян. Все это затрудняло сосредоточение крупных сил повстанцев в одном месте и облегчало задачу усмирения: противник бил их по частям.

Восставшим крестьянам недоставало не только организованности, но и **политического руководства**. Сторонники Мюнцера, имевшие свои ячейки в некоторых отрядах, не могли превратиться в руководящую партию и увлечь за собою крестьянские массы: „мюнцерцы“ составляли наиболее решительное и непримиримое, но мало влиятельное меньшинство, которому недоставало, однако, ясности понимания задач движения в целом.

В роли крестьянских вождей (политических и военных руководителей) выступали случайные лица, далеко не всегда стоявшие на высоте задачи. Это были евангелические проповедники (Мюнцер в Тюрингии, Вальтазар Губмайер в Шварцвальде, Шапеллер в Меммингене), бывшие монахи, рыцари (Вендель Гиплер, Флориан Гейер, Гец фон-Берлихинген), садовники (Циглер в Страссбурге), трактирщики (Рорбах, Мецлер в Оденвальде), мелкие чиновники (Гейсмайер, Гиплер).

Часто вожди выступают в роли сторонников скорейшего соглашения с противником, настаивают на смягчении крестьянских требований, что вызывает отпор даже со стороны умеренно настроенной части крестьянства. Так было, напр., в „христианском отряде Оденвальда и долины Неккара“; где „начальники и советники“ отряда приняли так называемое „Об‘яснение 12 статей“, значительно смягчавшее некоторые пункты и рекомендовавшее, между прочим, крестьянам безропотно платить чинши и др. поборы „впредь до общей реформации“.

В Вюртемберге во главе одного из крестьянских отрядов стоял член городского совета г. Ботвара Фейербахер, щадивший замки и вообще занимавшийся саботажем, граничившим с изменой. Недовольный своим начальником, отряд сместил Фейербахера, но вскоре, за отсутствием сколько-нибудь подходящего лица, его пришлось назначить вновь. Некоторых крестьянских вождей господам удалось склонить на свою сторону путем подкупа. Таким предателем оказался, напр., вождь гегауского отряда Ганс Мюллер, который после ряда успешных операций в области Верхнего Рейна снял осаду с двух городов и бежал к неприятелю, после чего часть его отряда разошлась по домам, другая была окружена и перебита. Изменником оказался и вождь франконского „Светлого отряда“—Гец фон-Берлихинген, одно время предлагавший свои услуги то одной, то другой стороне. Сделавшись начальником крестьянской «кучки», Берлихинген вступил в переговоры с начальником швабских войск, а затем тайно бежал, оставив свой отряд на произвол судьбы.

Роковую роль в судьбе крестьянской войны сыграла ошибочная, **соглашательская тактика повстанцев** в период их наибольших успехов.

Вместо того, чтобы, пользуясь военной слабостью противника, довести дело до полного его разгрома, крестьяне шли на переговоры и, доверчиво полагаясь на пустые обещания господ, соглашались на перемирие и частично разоружались в ожидании рассмотрения своих требований. Пока тянулись переговоры, благоприятный момент был упущен, оправившийся противник стянул значительные силы и, нарушив все договоры, начал систематическое подавление крестьянского движения.

Эту неспособность к решительной и беспощадной борьбе с классовым врагом, революционную мягкотелость, склонность к соглашательству, вообще характерную для крестьянской психологии, можно показать на отдельных эпизодах крестьянской войны. В Пфальце крестьяне охотно согласились на предложенное им курфюрстом перемирие, обязавшись вернуть занятые города и замки их владельцам и распустить свой восьмитысячный отряд.

Но как только стало известно о поражении крестьян Верхней Швабии, курфюрст нарушил перемирие, подавил восстание и казнил зачинщиков. Все уступки, сделанные властями крестьянству в момент паники, были взяты обратно. В апреле 25 года начальник войск Швабского Союза Зальцбург едва не был окружен и уничтожен несколькими крестьянскими отрядами: он спас свою армию тем, что заключил с крестьянами перемирие на довольно выгодных для них условиях. Вместо того, чтобы одним ударом уничтожить противника, крестьяне дали ему возможность отступить и собраться с силами, чтобы потом снова перейти в наступление и в конце концов ликвидировать восстание.

Крупными недостатками страдала и военная организация восставших крестьян. Нельзя представлять себе повстанческих отрядов в виде каких-то бесформенных толп, занимавшихся беспорядочным разграблением монастырей и замков. С возникновением более или менее крупных об'единений отдельных „кучек“, устанавливалась и правильная военная организация. Образчиком такой организации может служить союз верхнешвабских крестьянских отрядов („Христанский Союз“). „Союз“ состоял из трех больших отрядов, или „квартир“ с начальником во главе. Каждая „квартира“ управляла своей частью занятой Союзом территории. Отряды делились на „кучки“. Каждая „кучка“ выбирала здесь своего военачальника или атамана („Hauptmann“) и четырех „советников“. Особые правила предусматривали случаи, когда „квартиры“ обязаны оказывать друг другу помощь; существовали предписания относительно занятия замков, задержания награбленного имущества, поддержания порядка во время похода и лагерных стоянок, борьбы с мародерством и т. п. Союз сохранил за собой лишь исключительное право на ведение переговоров с князьями и господами. Общесоюзной кассы не существовало. Отсюда видно, что отдельные отряды сохранили слишком большую самостоятельность.

Отсутствие единой и сильной центральной власти чрезвычайно затрудняло выработку общего плана военных действий и весьма невыгодно отражалось на подвижности и боеспособности всего союзного войска.

Из известий о занятии крестьянами г. Штуттгарта узнаем, что вюртембергские повстанцы выработали ряд правил относительно выдачи жалования, снабжения отрядов продовольствием, распределения военной добычи и т. п.

Местами повстанцы соединялись в довольно крупные отряды, численность которых доходила до 30—40 тыс. человек. Почти всюду за ними оставалось значительное численное превосходство над про-

Томас Мюнцер у виселицы отца.

(Гравюра на дереве немецкого художника Грейнера).

тивником. Но это преимущество крестьянских отрядов ослаблялось, а порой и сводилось к нулю, вследствие отсутствия опытных начальников, согласованности в действиях отдельных отрядов, вследствие текучести крестьянских „кучек“, недостатка дисциплины, слабой выучки наконец—недостатка в вооружении.

Отдельные отряды и „кучки“ почти не имели постоянного состава: сколько-нибудь устойчивое ядро в них составляли лишь примкнувшие к движению ландскнехты; сами крестьяне тяготились длительными и отдаленными походами и, при первом удобном случае, спешили вернуться домой, к своему хозяйству. Военная тактика Вальдбурга, сжигавшая деревни в тылу противника, особенно способствовала разложению крестьянских отрядов.

Плохо дисциплинированные и мало знакомые с военным делом, крестьянские отряды были почти неспособны к длительному и упорному сопротивлению, быстро приходили в расстройство при первой же неудаче. Положение ухудшалось еще тем, что и среди вождей почти не было людей, хорошо знакомых с техникой военного дела и обладавших талантами полководца. Гейсмейер и Флориан Гейер были лишь блестящим исключением из общего правила. Кроме того, повстанческие отряды были бедны пушками и снарядами, а их вооруженная пиками и алебардами пехота оказывалась беспомощной перед дворянской конницей.

Вот почему, несмотря на численное превосходство, крестьяне почти никогда не могли устоять в открытом бою. Случаи крестьянских побед были весьма редки: из 7 больших битв, имевших место в ходе войны, крестьяне не выиграли ни одной.

Таков был ряд причин, обусловивших поражение крестьянской революции.

* * *

Четыреста лет тому назад деревня, а не город, задавали тон в экономике Германии; пролетариат зарождался и был беспомощен и организационно и идеологически.

Неудивительно, что и в революции XVI века инициатива исходила не от городов, а от деревни, не от пролетариата и городской бедноты вообще, а от крестьянства, которое играло руководящую роль и вело за собою городскую бедноту. Лишь в виде исключения городская беднота выставляла в процессе борьбы свои особые требования; обычно она присоединялась к „12 статьям“. Еще реже движение городских низов принимало коммунистическую окраску, как это было, напр., в Мюльгаузене.

В XX веке, в эпоху экономической и интеллектуальной гегемонии городов, в эпоху пролетарских революций организованный и вооруженный теорией научного коммунизма мировой пролетариат ведет за собою начинающее подниматься крестьянство.

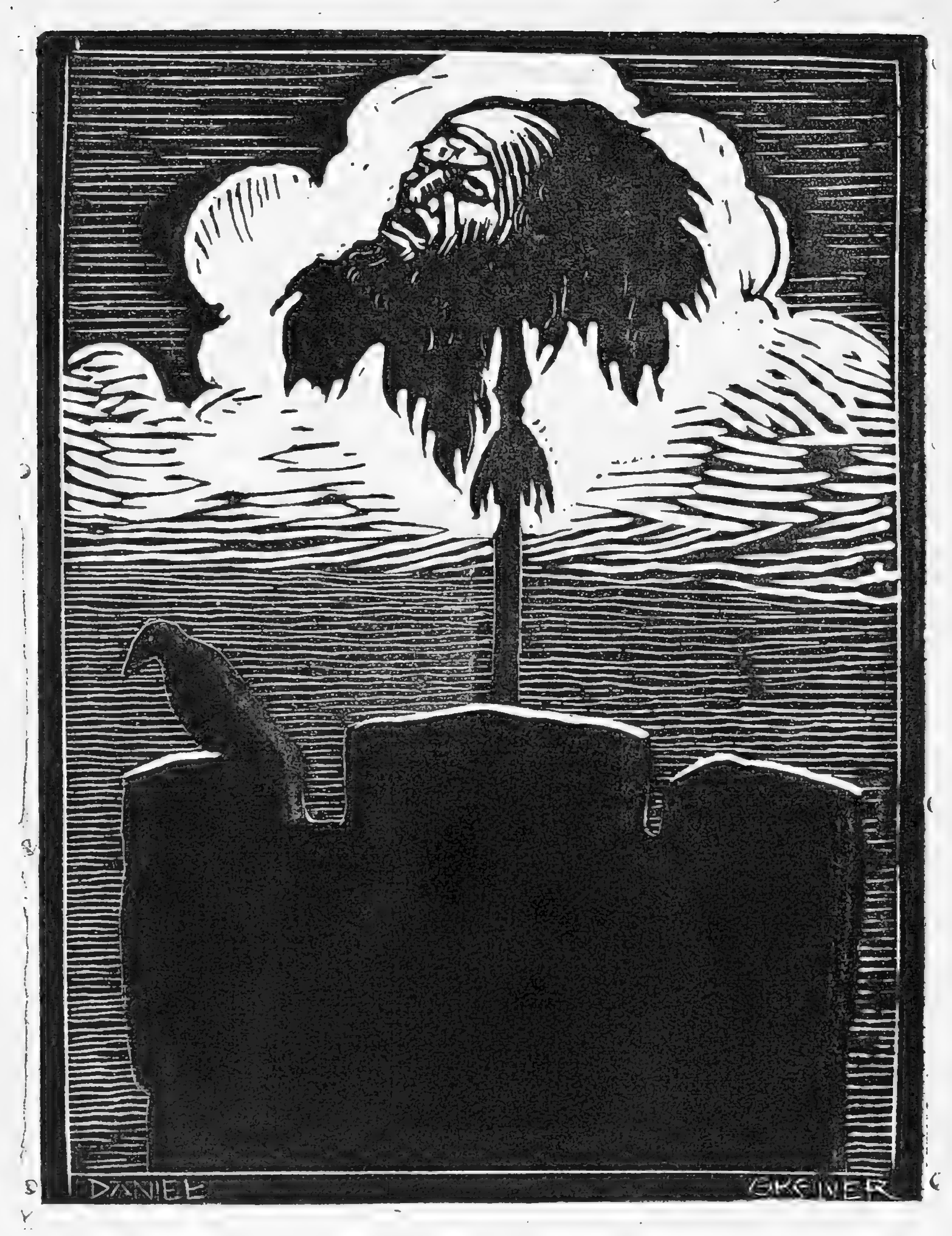
В XVI веке города лишь в виде исключения обслуживали крестьянское движение агитационно-пропагандистскими и организаторскими силами. Революционный пролетариат наших дней, в лице Коммунистического Интернационала, идеологически и организационно приходит на помощь поднимающемуся крестьянству.

400 лет тому назад единственной наставницей крестьянина была библия, религия всецело владела умами; в наши дни установивший

смычку с пролетариатом крестьянин может пользоваться богатой сокровищницей идей научного коммунизма и всех завоеваний новейшего естествознания, указывающих надежные пути и методы борьбы с помещиком и капиталистом и освобождающих крестьянство из-под власти религиозных предрассудков.

В эпоху крестьянской войны союз бедняков деревни и города оказался беспомощным перед единым фронтом господствующих классов; в наши дни смычка революционного пролетариата с крестьянством старых капиталистических стран и колоний должна привести к торжеству социальной революции.

Голова казненного Томаса Мюнцера на городских воротах Мюльгаузена.

Н. Мещеряков.

Уроки великой крестьянской войны.

В конце средних веков положение крестьянства во всех западно-европейских странах и в России было чрезвычайно тяжелое. Это было время крепостного права. Крестьяне составляли личную собственность дворян-помещиков. Эти помещики могли распоряжаться не только имуществом, но и всей личностью и даже жизнью крестьян. Крестьянство было самым бесправным классом средне-векового общества. Вот как характеризует Энгельс в своей книжке: „Крестьянская война в Германии“ положение крестьянства в то время:

„Над крестьянином тяготел гнет всего общественного здания того времени: князей, чиновников, дворянства, попов, патрициев и горожан. Был ли крестьянин в зависимости от князя, рыцаря, епископа, монастыря, города,—везде с ним обращались как с вещью, как с вьючным животным и даже хуже. Если он был дворовым, он был весь во власти своего господина. Если он был крепостным, то уже всех законом установленных работ было достаточно, чтобы вполне поработить его, а число этих работ ежедневно возрастало. Большую часть времени ему приходилось работать на полях господина, а из того, что ему удавалось выработать в немногие свободные часы, он должен был выплачивать десятину, проценты, поземельную подать, отправлять дорожные повинности и нести местные и имперские налоги. Он не мог ни жениться, ни умереть, не заплатив своему господину. Кроме обычной барщины он должен был собирать для своего господина солому, землянику, чернику, улиток, выгонять зверя навстречу охотнику, колоть дрова и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину; крестьянин должен был спокойно смотреть на то, как дичь уничтожала его пашню. Общинные леса и леса крестьян были почти везде насильно захвачены господами. Но произвол господина распространялся не только на собственность крестьянина, но и на его личность, на его жену и его дочерей. Господину принадлежало так-называемое „право первой ночи“. Он бросал крестьянина в темницу, когда ему было угодно, и там крестьянина ждали пытки точно также, как теперь арестованного ждет судебное следствие. Господин мог избивать крестьянина до полусмерти и лишать его жизни, когда ему этого хотелось. Из тех поучительных глав „Каролины“ [1], в которых дело идет „об обрезывании ушей“, „отрезывании носов“, „выкалывании глаз“, „отрезывании пальцев и рук“, „обезглавливании“, „колесовании“,

---

[1]) «Каролина»—чрезмерно богатый жестокими карами уголовный кодекс, так называемое „уложение о телесных наказаниях императора Карла V“, принятое на Регенсбургском рейхстаге в 1532 году. Энгельс допускает здесь, очевидно, небольшой анахронизм, так как „Каролина“ появилась лишь семь лет спустя после Великой Крестьянской Войны. Но по сути дела этим ничего не меняется; наоборот, „Каролина“ еще как-никак смягчила бывшие до нее в силе ужасные кары.

„сжигании“, „вырывании кусков тела раскаленными щипцами“, „четвертовании“ и т. д., нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял по произволу к своим крестьянам. Кто мог встать в защиту крестьянина? В судах заседали бароны, попы, патриции или юристы, прекрасно знавшие, за что они получают жалованье. Все официальные сословия государства жили, ведь, на счет крестьян“.

Это невыносимо тяжелое, бесправное положение крестьянства вызывало в нем глубокое недовольство и приводило к ряду восстаний. Такими крестьянскими восстаниями была охвачена вся эпоха средних веков во всех странах Западной Европы. Одно из наиболее крупных восстаний произошло в Германии, в начале 16-го столетия. Оно охватило всю южную и среднюю Германию, включая сюда и Австрию. Все начало 16-го столетия было отмечено в Германии рядом крестьянских восстаний, но особенно сильное восстание вспыхнуло весной 1525 года. Оно подавлено было только к концу этого года. Несмотря на упорное сопротивление, крестьяне были повсюду разбиты. После поражения они подверглись жесточайшим преследованиям со стороны князей и рыцарства. Число погибших крестьян считается свыше ста тысяч.

В настоящем году исполняется 400 лет со времени этого восстания. Поэтому своевременно будет вспомнить об этом революционном движении, понять, каковы были причины поражения крестьян, в чем были в то время их ошибки.

Каковы же были причины неудачи этого восстания, в котором крестьяне проявили чудеса храбрости и самоотверженности?

1. Крестьяне—как это указывает Энгельс—были наиболее угнетенным и бесправным классом того времени. Другие классы стояли над крестьянством и так или иначе участвовали в процессе эксплоатации крестьянства. Другие классы—князья, рыцари, духовенство, зажиточные горожане—не были заинтересованы в освобождении крестьянства от эксплоатации. Наоборот, они были заинтересованы в **сохранении** этой эксплоатации. Промышленность в то время была развита очень слабо, пролетариат почти не существовал, а имевшиеся налицо рабочие были слишком слабы и слишком разрознены, чтобы оказать крестьянам энергичную и сильную поддержку. Поэтому крестьянство вступило в восстание, не имея союзников. совершенно изолированным. Это **изолированное положение крестьянства перед лицом об'единившихся его эксплоататоров и было главнейшей причиной его поражения.**

2. Крестьянство жило разрозненно по своим глухим деревушкам. Оно не привыкло поэтому к совместным действиям большими массами; **различные революционные организации,** которые оно создавало в процессе восстания, **действовали** также **разрозненно,** изолированно одна от другой. Один округ начинал восстание в то время, когда в другом крестьяне, успокоившись и удовлетворившись ничтожными уступками, расходились по домам. **Не было об'единенного общего плана в их действиях. Движение не было централизованным, не было проникнуто единой волей.** В то время как одни крестьянские отряды вырабатывали план военных действий, другие с ним совершенно не считались и не оказывали им никакой помощи, самостоятельно вырабатывая свои планы, или заключая с противником мир или перемирие. **Поэтому отряды рыцарей и князей, действовавшие по общему плану, могли разбивать крестьянские отряды по одиночке.**

3. Крестьянство было очень нерешительным в своих требованиях и в своей борьбе. В вырабатываемых программах требований кресть-

Наказания по „Каролине“: сожжение, повешение, ослепление, вспарывание живота, колесование, бичевание, обезглавление, отрубание рук.

яне не возражали против самого факта существования крепостного права и эксплоатации со стороны помещиков. Они хотели только ввести эту эксплоатацию в некоторые границы, ослабить ее. **Крестьяне не уничтожали своих противников совершенно, а давали им время собраться с силами.** Эта нерешительность действий об'ясняется и тем, что крестьяне простодушно верили обещаниям своих противников, и потому они легко заключали перемирие с ними.

4. Разбросанное по глухим захолустьям, непривыкшее к широкой политической жизни и стоявшее в то время на низкой степени развития, крестьянство не могло выдвинуть из своей среды достаточного количества талантливых вождей. Пролетариат, численно слабый, тоже не мог дать крестьянам таких вождей. Поэтому **крестьянство принуждено было брать себе** этих **вождей из непролетарских классов, из среды своих эксплоататоров**: рыцарства, помещиков, богатых горожан и т. д. Эти элементы, не заинтересованные в борьбе крестьян, часто приходили им на помощь только потому, что крестьянство заставляло их делать это. **Эти вожди были** поэтому **склонны к изменам и часто действительно изменяли.** Так поступил, например, известный рыцарь Гец фон-Берлихинген, по прозвищу «Железная рука». Случаи искреннего перехода рыцарей на сторону крестьянства были очень редки, и такие предводители крестьянства, как рыцарь Флориан Гейер, представляли только редкое блестящее исключение.

5. В средние века было очень сильно влияние духовенства на крестьянство. Часто вождями крестьянства выступали поэтому различные священники. Но духовенство также часто было связано своими интересами с господствующими классами и, поэтому, часто изменяло крестьянам. Одно время крестьяне, например, сильно надеялись на Лютера, а между тем, когда движение началось, Лютер решительно стал на сторону князей, граждан и духовенства, стремясь об'единить всех их против крестьянства. Вот, что писал, например, Лютер, когда началось крестьянское восстание: „Бей их (т.-е. крестьян), кто только может! Коли их, души явно и тайно, как бешеных собак! Бей, коли, руби, кто только может! Кто здесь погибнет, благо ему: более блаженной смерти быть не может. Не следует иметь никакого ложного сострадания к крестьянам. Люди, питающие жалость к тем, кого господь не жалеет, а наказывает и хочет погубить,—сами пристают к мятежникам. Впоследствии сами крестьяне будут благодарить бога, когда должны будут отдать одну корову, чтобы быть в состоянии в мире пользоваться другой. А князьям восстание покажет, каков дух у черни, которой можно управлять только силой. Мудрец говорит: „Пищу, кладь и плеть ослу". Крестьянам нужна плеть. Они не слышат увещаний и неразумны, и потому они должны слушаться плети, ружья, и благо им будет. Следует молиться за них, чтобы они слушались; если же этого не будет, то и сострадания к ним не должно быть. Пусть заговорят ружья, иначе будет в тысячу раз хуже".

* * *

В настоящее время положение крестьянства после империалистической войны снова резко ухудшается во всех странах, ибо господствующие классы стремятся возложить на плечи крестьян и рабочих все бремя разорения, вызванного мировой империалистической войной. Поэтому повсюду растет недовольство среди крестьянства, растет его революционное настроение, которое выльется, в конце концов, в ряд новых революционных битв. Но на этот раз положение крестьянства и его шансы на победу будут совсем иные, чем они были 400 лет тому назад.

DANIEL·GREINER
THOMAS·MÜNZER·

1. **На этот раз крестьянство выступит уже не одно; у него будет могучий союзник в лице рабочего класса**, который также жестоко пострадал от войны, который всюду эксплуатируется и поднимает знамя восстания. Интересы крестьян и рабочих совпадают, и они во многих странах уже об'единяются для совместной борьбы. **А об'единившись, они составят такую могучую армию, против которой бессильны будут все их эксплоататоры.**

2. Чувствуя необходимость революционной борьбы, недовольное крестьянство уже создает в настоящее время крепкие обширные организации, об'единяясь не только в национальном, но и в международном масштабе. **На этот раз крестьянство вступит в революционную борьбу крепко и прочно организованным.** Оно будет выдвигать повсюду одни и те же требования, одни и те же программы; оно будет следовать единому плану борьбы. Международный Крестьянский Совет должен стать такой организацией, об'единяющей все революционное крестьянство всего мира.

В поход на дворянство под знаменем мужицкого башмака.

3. Создающийся теперь союз крестьян и рабочих поведет борьбу не за **частичное** уменьшение эксплоатации, а за **полное** уничтожение всякого гнета и всякой эксплоатации. **Союз крестьян и рабочих уничтожит самый корень эксплоатации**—право собственности помещиков на землю и

право собственности капиталистов на средства производства. **Этот союз не остановит своей борьбы до тех пор, пока не достигнет полной победы.** Этот союз не будет давать возможности противнику оправляться от наносимых ему потерь и ударов и создавать во время таких передышек новые силы для борьбы.

4. Культурный уровень крестьянства в настоящее время гораздо выше, чем он был в средние века. Кроме того, **рабочие дадут крестьянам ряд талантливых и смелых вождей. Не будет надобности искать вождей среди эксплоататоров, которые всегда готовы обмануть крестьян и изменить им. Не будет надобности искать таких вождей и в среде духовенства.** Правда, крестьяне еще далеко не везде осознали, что интересы крупных помещиков, буржуазии и духовенства резко расходятся с их интересами; во многих странах они идут еще в рядах буржуазных и помещичьих партий; во многих местах вождями крестьян попрежнему остаются крупные помещики, капиталисты и духовенство. Но крестьянство уже начинает освобождаться от таких „вождей“ из среды своих классовых врагов, и чем быстрее оно окончательно освободится от них, тем быстрее и полнее будет его победа.

Таким образом, силы крестьянства, его организованность и его классовое положение в настоящее время совсем не таковы, какими они были 400 лет тому назад. Поэтому и исход грядущей революционной борьбы союза крестьян и рабочих против их эксплоататоров будет на этот раз совсем иной. Борьба не может не кончиться победой трудящихся над их эксплоататорами, победой, которая поведет к полному уничтожению всякого гнета, всякой эксплоатации.

* * *

Но такой благоприятный для крестьянства исход в борьбе с их эксплоататорами возможен и неизбежен только в том случае, если они правильно учтут все уроки их прошлых неудачных восстаний и сделают из них все необходимые выводы. Без этого и в настоящее время борьба крестьянства за улучшение его положения будет приводить к таким же поражениям, какими так богата прошлая история крестьянства.

Есть два главнейших вывода, которые должны быть учтены крестьянством в настоящее время, как условие успешности их борьбы.

1. Несмотря на то, что капиталисты и крупные землевладельцы различных стран ведут друг против друга жестокую борьбу за раздел того, что служит об‘ектом их эксплоатации, в своей борьбе против эксплоатируемых ими крестьян и рабочих, капиталисты и помещики всего мира образуют единый фронт без различия стран, наций, религий и т. п. В своей борьбе против трудящихся их эксплоататоры пользуются, как оружием, самими трудящимися, натравливая крестьян и рабочих одной страны на крестьян и рабочих другой, разжигая вражду между трудящимися различных рас и национальностей. Всем этим капиталисты и помещики увеличивают свою силу и ослабляют армию трудящихся.

Против об‘единенного фронта своих эксплоататоров трудящиеся, как необходимое условие их победы, должны создать свой крепкий единый фронт. История русской революции показала, что, как только русские рабочие и крестьяне в конце 1917 года осмелились взять в свои руки власть, немедленно началась военная интервенция западно-европейских капиталистических государств с целью задушить рабоче-крестьянскую революцию, вернуть к власти прогнанных помещиков и капиталистов, возвратить им их прежние богатства и дать им снова

возможность эксплуатировать и угнетать освободившихся крестьян и рабочих.

Особенно важно в деле создания единого революционного фронта всех крестьян привлечение к революционной борьбе и к союзу крестьян стран колониальных. Эти крестьяне жестоко эксплоатируются капиталом—туземным и иностранным. Революционное настроение их быстро растет. Но у этих крестьян колоний—негров, индусов и т. п.—еще слишком слабо развито революционное сознание, сознание необходимости создать для своего освобождения организации, действующие в союзе с крестьянскими и рабочими организациями стран капиталистических. Капиталисты и помещики, пользуясь этой несознательностью колониальных крестьян, формируют из них так называемые „цветные войска", которые служат потом слепым и послушным орудием в руках капитала.

Вождь восставшего крестьянства Флориан Гейер.

Надо вырвать это оружие из рук эксплоататоров. **Надо создать из этих крестьян—негров, китайцев, индусов, арабов—союзников трудящихся стран европейских в деле борьбы за освобождение от эксплоатации помещиков и капитала. Эту задачу и ставит себе Международный Крестьянский Совет, созданный в Москве осенью 1923 года.** Много крестьянских организаций Западной Европы и Америки уже примкнуло к этому Крестьянскому Интернационалу. **Но под его знамя должны стать все эксплоатируемые крестьяне всех стран.** Чем скорее они это сделают, тем скорее освободятся они от эксплоатации, гнет которой усиливается из года в год, из месяца в месяц.

2. Во многих странах—в Польше, в Литве, Чехо-Словакии, Юго-Славии и в других,—среди крестьян после окончания мировой империалистической войны было большое недовольство, было большое желание получить землю, освободиться от бремени тяжелых налогов и улучшить свое положение. Такое же и ещё большее недовольство было среди рабочих. Но помещики и капиталисты, испуганные ростом недовольства трудящихся, обещали крестьянам мирным путем, сохраняя свою власть, дать землю и свободу. Крестьяне не поддержали рабочих, которые были готовы на революционную борьбу. И крестьяне всюду были обмануты помещиками и капиталистами. До сих пор все обещанные крестьянам аграрные реформы дали им сущие пустяки.

Еще более **поучителен пример Болгарии.** Там крестьянская партия взяла в свои руки государственную власть. Но в деле управления государством она не соединилась с рабочими. Крестьянское правительство Болгарии сохранило все богатства, все права и все привилегии буржуазии и в то же время стало враждебно относиться к рабочим, об'еди-

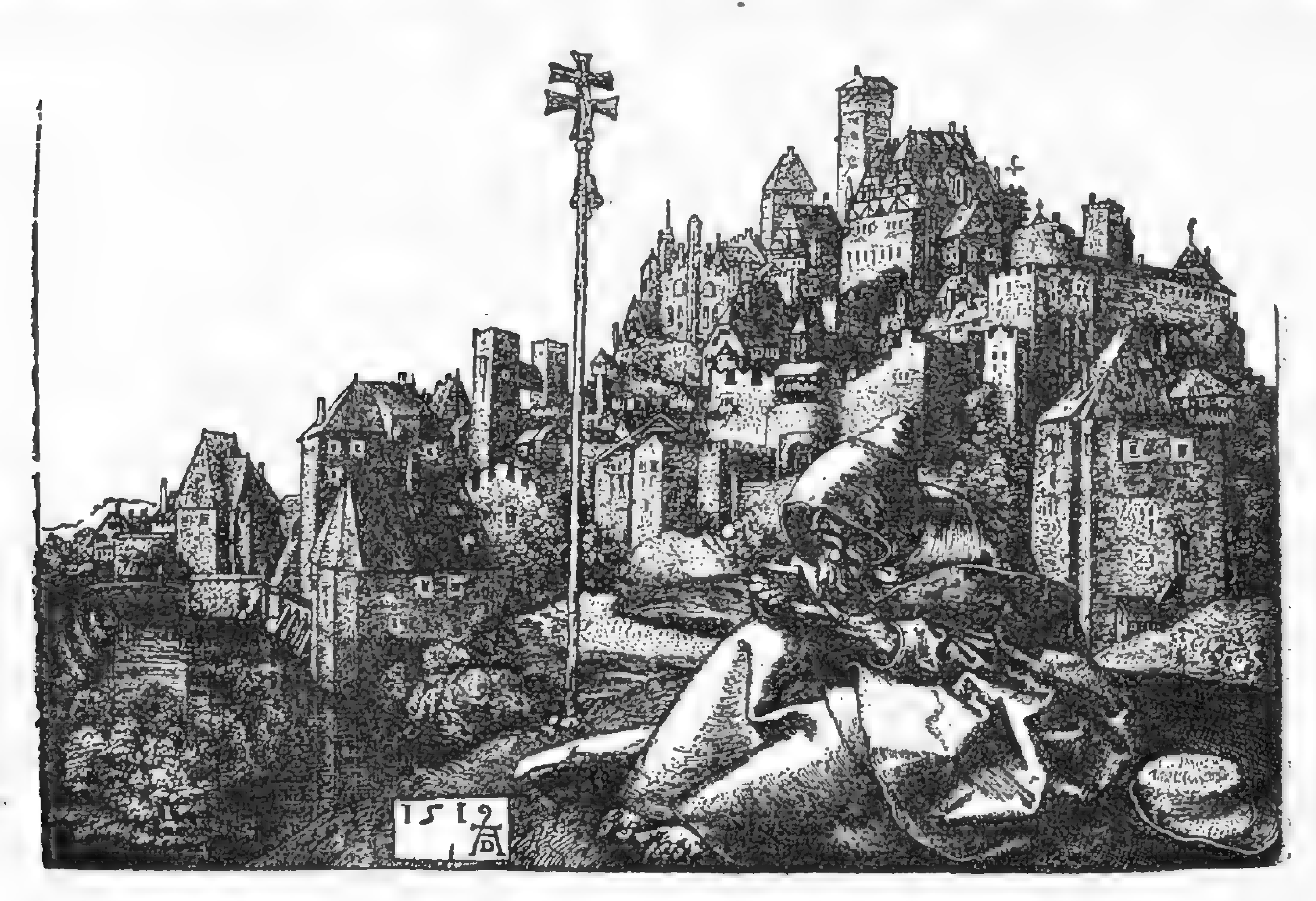

Поджаривание одного из вождей крестьянства на медленном огне.

ненным в коммунистическую партию. Оправившаяся и сохранившая свою силу буржуазия вскоре произвела контр-революционный переворот, снова захватила власть в свои руки и подвергла крестьянство жестоким преследованиям.

Наоборот, в России, в нынешнем Союзе Советских Социалистических Республик, в 1917 году рабочие и крестьяне соединились в борьбе против капиталистов и помещиков. Они захватили власть в свои руки, создали рабоче-крестьянское правительство, лишили буржуазию и помещиков всей их силы, всех их богатств. Все время сохраняли здесь крестьяне и рабочие свой тесный союз и дружно совместными силами отстаивали свои завоевания. И они сохранили их до сих пор, несмотря на бешенный натиск об'единенной буржуазии и помещиков всех стран. В Союзе Советских Социалистических Республик нет теперь банкиров, фабрикантов и заводчиков, нет здесь и помещиков, владеющих крупными имениями. Землей здесь пользуются только крестьяне, которые ее обрабатывают.

Отсюда вывод: **ни крестьяне, ни рабочие не могут победить своих эксплоататоров, если они не заключат между собой тесного братского союза, не поведут борьбу общим единым фронтом. Полный разрыв с буржуазией и с буржуазными вождями и тесный братский союз крестьян и рабочих для установления рабоче-крестьянской власти—таково необходимое условие их победы, таков тот важный урок, который нужно извлечь из изучения причин неудач Великой Крестьянской Войны, с одной стороны, и успеха революционной борьбы крестьян и рабочих в Союзе Советских Социалистических республик, с другой.**

Вид немецкого города (Нюренберга) эпохи Великой Крестьянской Войны.
Гравюра на меди Альбрехта Дюрера.

С. Дубровский.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII века.

Союз Советских Социалистических Республик — единственная страна в мире, где крестьянство в союзе с пролетариатом окончательно освободилось от помещичьей кабалы и в результате революции получило возможность под‘ема своего хозяйства и постепенного перехода к социализму.

Однако, на пути к этой решительной победе русское крестьянство выдержало напряженнейшую революционную борьбу с своими угнетателями в течение целых столетий.

Крестьянское революционное движение в России возникает с первых же моментов установления помещичьего господства в деревне и закрепощения крестьянства.

1. Закрепощение крестьянства в России.

Так же, как и в Западной Европе, в России закрепощение крестьянства развивается в тесной связи с ростом и развитием торгового капитала с развитием денежных отношений в деревне. Бурное развитие торгового капитала в Европе после так называемых крестовых походов в конце концов докатилось и до Московской России.

В течение XIV, XV и XVI веков на узловом пункте крупнейшего торгового пути из северо-западной России (связанной с Европой) в татарское царство (Золотую Орду)—возвышается новое Московское государство. Подчинив себе соседние княжества, соседние феодальные владения, непрерывно обогащая свою казну за счет грабежа широких народных масс путем сбора тяжкой дани, Московское государство быстро освобождается от татарского ига, расширяет свои владения как на северо-запад захватом Новгорода, так и на восток и юго-восток захватом Казанского и Астраханского татарских царств, что дает в руки московских царей важнейший тогда торговый путь по Волге, по которому шла вся торговля с тогдашней Азией и прежде всего с Персией.

Скопление в руках князей и крупнейшей московской знати, а также в руках церквей и монастырей большого количества земель и капиталов создает условия для закрепощения крестьян. Закрепощение началось еще с конца XV века, но полного расцвета оно достигло в XVI веке, когда в силу развития торгового капитала началось быстрое развитие торгового земледелия.

Раздавая крестьянам земли, скот, инвентарь и деньги за ростовщические проценты, крупнейшие тогдашние землевладельцы, князья, бояре, церковь и монастыри постепенно прикрепляют к земле крестьян. Задолжавший у землевладельца крестьянин не имел права уйти от него до тех пор, пока не выплачивал всего долга. В крайнем случае он мог перейти к другому помещику, который и выплачивал за него ранее взятый долг и таким образом становился его хозяином. Завладевшие крестьянами помещики всячески ограничивали это право перехода крестьян от одних к другим и в конце концов окончательно закрепили за собою крестьян. Так постепенно к концу XVI и началу XVII века в России складывается крепостное хозяйство. Закрепленные крестьяне должны были регулярно платить помещику натуральный или денежный оброк или же работать у него в хозяйстве на так называемой „барщине“.

Однако, наряду с этим крепостным крестьянством на окраинах России складывается более свободное, сильное и зажиточное крестьянство, так называемое казачество. Казачество создавалось из переселенцев из центральных областей, а главным образом из беглых крестьян, бегавших от своих эксплоататоров-помещиков. Эти переселенцы селились на юге и на юго-восточных окраинах России. Правительство вынуждено было оказывать им поддержку, так как они несли на границе сторожевую службу против постоянно вторгавшихся в пределы России кочевников. Это создавшееся на окраинах России казачество отчасти занималось земледелием, отчасти вело разбойничью торговлю. Вот это-то казачество, представлявшее из себя сильное зажиточное крестьянство, а частью даже и мелких помещиков и скорее мелкое рыцарство, и становится главным участником крестьянских революций при первых же попытках центрального правительства наложить руку на его свободу и самостоятельность. В XVII—XVIII веках русские крестьянские войны обычно начинались с казацких восстаний, лишь потом к ним примыкала основная крестьянская масса.

2. Крестьянские революции XVII века.

Первая крестьянская революция относится к началу XVII века. Как раз на конец XVI и на начало XVII века падали рост и развитие крепостничества. Развитие торгового земледелия способствовало нещадной эксплоатации крестьянства в центральных областях России. Это привело в конце концов к запустению земель, к голоду и массовому бегству крестьян на окраины к казачеству. Все это становится непосредственной предпосылкой наступления крестьянской революции.

Во главе крестьянской, точнее, вначале казацкой революции, как и неоднократно впоследствии, становится „самозванец“. Вождь повстанцев присваивает себе имя в действительности погибшего сына царя Ивана Грозного—Дмитрия, которому будто бы удалось спастись от убийц Бориса Годунова, незаконно захватившего престол. Казаки с примкнувшей к ним частью мелкого дворянства и крестьянства в 1605 году свергают Бориса Годунова. Поставленный повстанцами царь проводит целый ряд указов, которыми облегчает положение крестьянства, указы, ограничивающие закабаление крестьянства через долги, и смягчение указов об иске беглых крестьян. Однако, казацкий царь процарствовал недолго. Всего через год он был свергнут заговором московского боярства и купечества.

Поставленный крупным купечеством и боярством царь Шуйский отменил указы Дмитрия и утвердил прежние крепостнические указы Бориса Годунова. В ответ на это началось еще более сильное революционное движение, которое захватило весь юг и весь центр России. Поднялись крестьянские массы, которые начали громить помещичьи имения, убивать помещиков и захватывать их имущество.

Стенька Разин.
(По гравюре Фюрста 1672 г.).

Поднявшиеся крестьяне во главе с беглым холопом — рабом Болотниковым подошли к самой Москве (1606 год). Однако, восстание крестьян против помещиков заставило мелких и средних представителей помещиков, а также даже часть казачества отколоться от крестьянства. Крестьянские повстанческие войска были разбиты, Болотников бежал в Тулу, где повстанцы и были окончательно разгромлены царскими войсками.

Отступившие на юг казаки вскоре оправились, собрались с силами и с помощью польских войск опять подступили к Москве, где захватили город Тушино в 15 верстах к северо-западу от Москвы. Правительство Шуйского оказалось не в силах справиться с тушинскими повстанцами и должно было заключить союз с Польшей, пригласив на престол польского королевича, чтобы с помощью поляков разгромить казаков. Хотя поляки и помогли прогнать тушинских повстанцев, однако, польское вмешательство чрезвычайно скоро вызвало движение купечества и среднего русского дворянства, которое пошло на борьбу против польской интервенции, нарушавшей как интересы русского торгового капитала, так и интересы помещиков. Было собрано „народное ополчение“ под предводительством нижегородского купца Минина и представителя дворянства Пожарского, которые высоким жалованьем привлекли в ополчение значительную часть дворянства и зажиточного казачества, бывшего в среде повстанцев. Дворянству и купечеству удалось прогнать польских интервентов и подавить крестьянское восстание. В результате в 1613 году и был избран дворянско-купеческий царь Михаил Романов, положивший начало династии Романовых, свергнутой русской революцией в 1917 году.

При первых же Романовых крепостничество, под влиянием развивающегося торгового капитала, все более и более усиливалось и, наконец, совершенно оформилось к средине XVII века. Ответом на это все разраставшееся закрепощение и явилось восстание под предво-

дительством Степана Разина в 1668—1670 годах. И на этот раз восстание начинается с казацкого выступления.

Как мы уже указывали, Волга являлась центральной торговой магистралью, связывавшей московскую Россию с Востоком и прежде всего с Персией. По линии этого торгового пути начался захват помещиками новых земель, на которые они переселяли крестьян из центральной России. Вместе с тем, по торговому пути создалось масса ремесленников, бурлаков, которые на себе тащили баржи по Волге, и тому подобных бедняков. Вот вся эта угнетаемая масса сейчас же примкнула к восстанию казаков.

Повстанцы под предводительством Степана Разина захватили такие центральные города Поволжья, как Астрахань, Царицын и двинулись вверх по Волге, направляясь к центральным областям России. Но под Симбирском повстанческие войска были разбиты царскими войсками, Степан Разин был захвачен в плен и казнен в Москве.

После этого, за исключением отдельных вспышек, открытые крестьянские восстания замирают, крестьянство отвечает на все возрастающий крепостнический гнет бегством на окраины и широким развитием сектантского (еретического) движения.

3. Крестьянская революция XVIII века.

В XVIII веке развитие торгового капитала и связанный с ним расцвет крепостничества достигает высшей точки. Захват в начале XVIII века Балтийских портов, установивший непосредственную связь России с Европой, дает сильнейший толчок к развитию русской торговли и русской промышленности. В течение XVIII века Россия покрывается крупными мануфактурами, создается внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства. Помещики в громадном количестве захватывают новые земли. Царское помещичье правительство раздает земли и прикрепляет к ним крестьян. Помещикам становится выгодным все больше и больше производить хлеба, который находит себе теперь выгодный сбыт как на внутренних, так и на внешних рынках. Помещики все более и более увеличивают крепостнический гнет.

Создаются крупнейшие латифундии с десятками тысяч, а то и с сотней—другой тысяч крепостных крестьян. Создается пышный помещичий быт. У отдельных помещиков одни дворовые, т.-е. те, кто непосредственно обслуживал помещиков, насчитывались сотнями. Крестьянин был низведен до положения простой скотины. Крестьян продавали так же, как скот и как другую живность. При чем особый спрос был на молодых девушек.

В промышленных районах часть крестьянства отпускалась помещиками на оброк. Крестьяне уходили в города на заработки и выплачивали помещику очень крупную часть своего заработка. Основная же крестьянская масса находилась в полной кабале у помещиков, работала на так называемой барщине, т.-е. три дня крестьянин работал, чтобы прокормить свою семью, на своем поле, а остальную часть недели, обычно три дня, у барина, при чем помещики все более и более увеличивали количество барщинных дней. Они доводят их до четырех, до пяти, даже до шести дней в неделю, оставляя крестьянам лишь седьмой для работы в их поле.

Крестьянин был низведен на положение простого раба. При помощи жесточайших телесных наказаний, розог, батогов, кнута и т. п. помещики держали в своем подчинении крестьян. В некоторых поме-

„Казнь Стеньки Разина" Картина художника В. Н. Пчелина.

щичьих имениях были специальные застенки, места пыток крестьян, где жестоко, бесчеловечно пытали за малейшие проступки. Часто были случаи, что помещики до смерти запарывали и замучивали своих крестьян. Даже семейная жизнь—и та была подчинена помещику. Помещики, как скот, сводили молодых девушек и парней, часто насильно заставляя их жениться.

Крепостничество не только укрепляется в центре России, но все более распространяется на юг и на восток—в районы до того свободного крестьянства. Крепостники пытаются наложить свои руки и на свободное казачество. Вот это-то рабское положение крестьянства, расширение крепостничества на востоке и стремление помещиков, в особенности во второй половине XVIII века, выжать из крестьян как можно больше прибавочной стоимости, так как производство хлеба становилось все более и более выгодным, и заставляет в конце концов крестьян подняться на революцию, прежде всего в районах нового крепостничества—на востоке, на колонизуемом Урале.

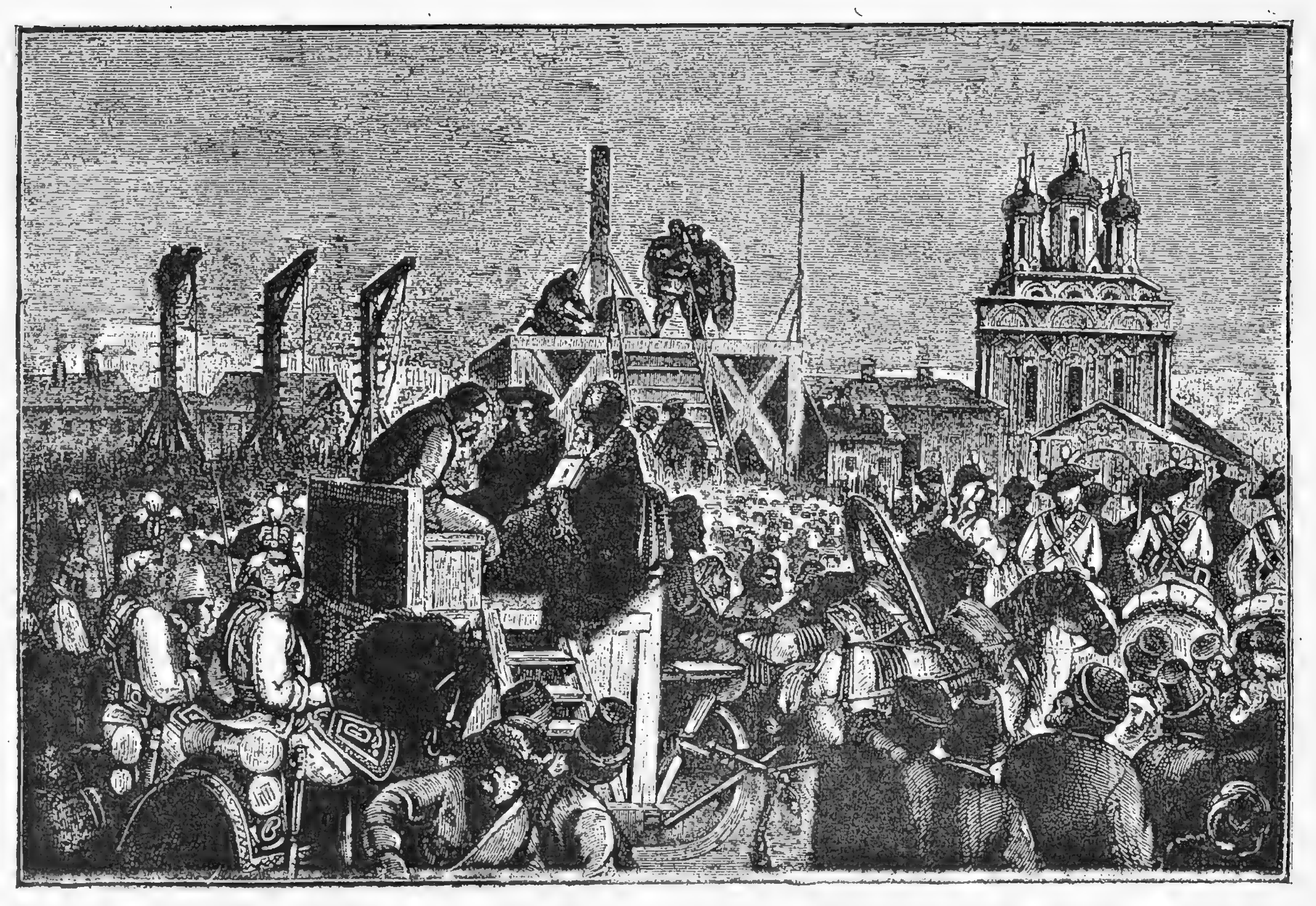
Однако, нужно сказать, что не только одни крестьяне в России подымаются на революцию. Русская революця XVIII века является не только крестьянской революцией, но в известной мере рабоче-крестьянской. Одним из главных участников восстания являются горнозаводские рабочие или, точнее, горнозаводские крестьяне-рабочие.

Как мы уже указывали, в России в течение XVIII века начинает чрезвычайно быстро развиваться промышленность. Особенно развивается уральская горная промышленность. Русский металл, выплавлявшийся на древесном топливе, которым так была богата Россия, находил себе сбыт не только в России, но и в Западной Европе. В конце XVIII века Россия являлась одним из самых крупных поставщиков металла в Западную Европу.

Для работы на этих горных заводах, предприниматели из того же дворянства и стали в громадном количестве прикреплять к ним крестьян. До этого уральские рабочие, принадлежавшие казне, фактически были полусвободными. Они обязаны были лишь платить государству подушную подать. Теперь в широком масштабе начинается прикрепление крестьян к горным заводам, работа на которых отбывается как барщина. Таким образом, крепостное право стало фактически распространяться и на уральских крестьян.

Кроме того, поскольку новым русским заводчикам не хватало тех крестьян, которые находились на Урале, они в большом количестве переводят крестьян из центральных областей России. Иногда на Уральский завод переводили крестьян, живших за 600—700 верст от завода. Уже одно это делало барщину исключительно тяжелой. А к этому нужно прибавить, что тогда, конечно, ни о какой охране труда думать не приходилось, заводская работа была исключительно тяжелой, и там всецело господствовал тот же крепостной режим, что и в барщинных хозяйствах. Вот это и предопределило то, что вместе с крестьянством, главным образом землевладельческим, подымаются и так называемые заводские крестьяне, приписанные в большом количестве к уральским заводам. Как мы будем говорить далее, эти рабочие-крестьяне дают повстанцам прекрасную артиллерию и прекрасных артиллеристов.

К движению рабочих и крестьян присоединяется и движение угнетаемых русским капиталом туземцев, именно башкир, калмык, мордвы, черемис и т. п. По мере продвижения русского торгового капитала на восток, в эту русскую колонию, русские колонизаторы

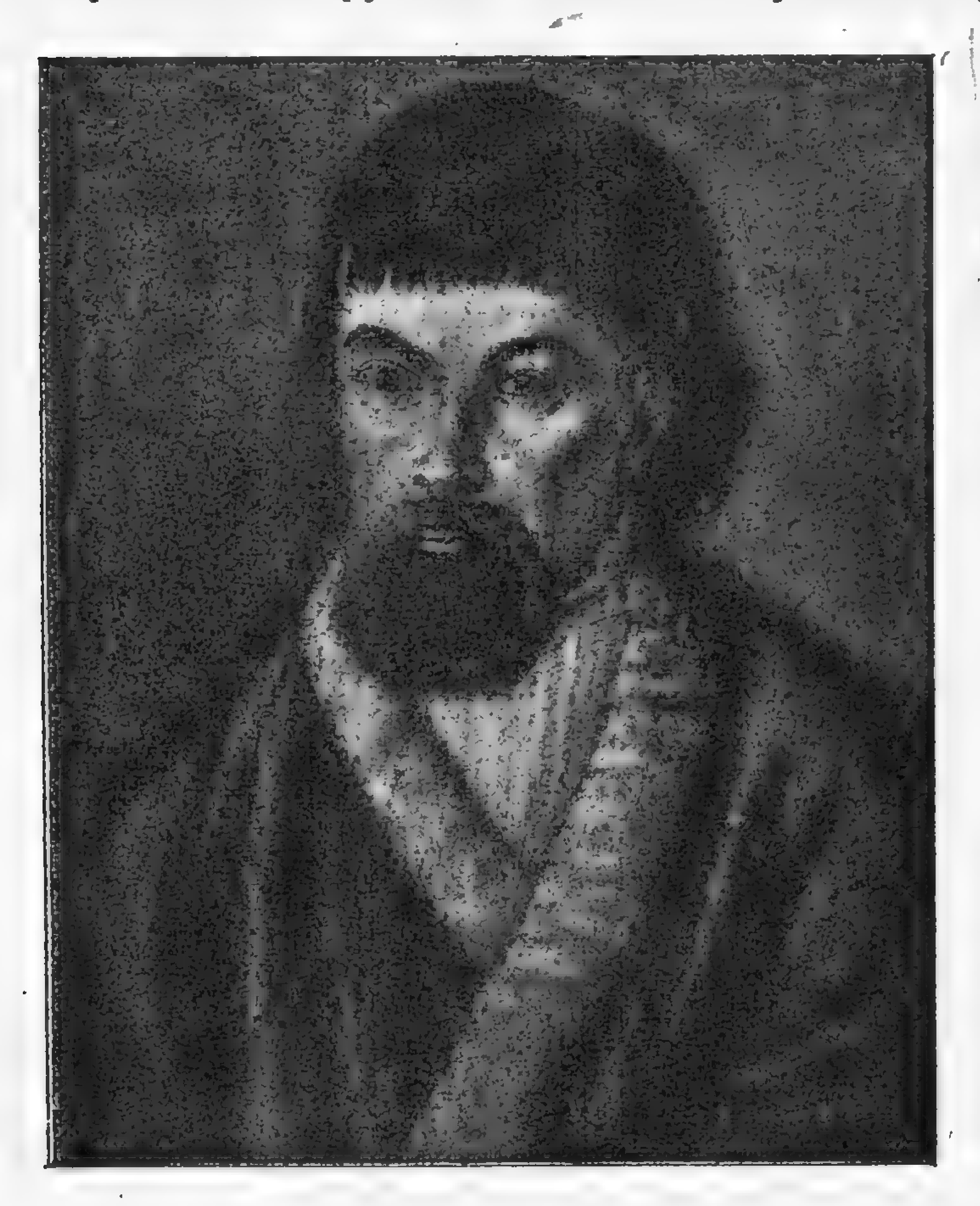

Казнь Пугачева.

обходились с туземцами не лучше, чем европейские колонизаторы в странах нового света. Туземцев разоряли, сгоняли их из тех мест, которые являлись местом их постоянного кочевья, и при всяких попытках сопротивления беспощадно уничтожали. Вот это предопределило, что к повстанцам присоединяются прежде всего башкиры, калмыки, черемисы, мордва и другие местные народы, угнетаемые русскими колонизаторами. Кочевники, башкиры, между прочим, дают прекрасную конницу повстанцам.

Революционное движение особенно начало усиливаться в 50-х и 60-х годах XVIII столетия. В целом ряде мест крестьяне восставали против помещиков, были многочисленные случаи убийств. Так, например, в одной Московской губернии за 5 лет с 1764 года по 1769 год было убито до 30 дворян. Одновременно идет восстание и среди угнетаемых башкир, которое правительство подавляет со всей жестокостью и свирепостью. Вместе с этим начинаются восстания и казачества.

Собственно Пугачевское восстание начинается в сентябре 1773 г. среди яицких казаков, которые на себе все острее и острее начинали чувствовать гнет крепостнического государства. В XVIII веке здесь создаются крупные помещичьи крепостнические хозяйства. Растет общий гнет торгового капитала. Как раз на этот период падал захват откупщиками крупных соляных и рыбных промыслов. За соляную подать с казаков требовали десятую часть улова. Также большими поборами облагали казаков и за рыбные промыслы. Все это вызывало резкое недовольство казачества. К тому же, в этот период правительство пытается и на казаков распространить обязательную воинскую повинность, забирать их в войска. Наконец, последнее — как раз после восстания 1771 года казаки были обложены громадной контрибуцией за восстание.

Портрет Пугачева. (Рисован в том виде, как он сидел в тюрьме на Монетном дворе в Москве).

Все это и послужило непосредственным поводом к восстанию. Во главе повстанцев становится донской казак Емельян Пугачев, который принимает звание императора Петра III, незадолго до того свергнутого с престола и убитого царствовавшей тогда Екатериной II, с именем которого связана была мечта крестьян об облегчении их участи. Таким образом, как и в предшествующую революцию XVII ве-

ка, и в XVIII веке крестьянское движение идет под флагом „законного царя“. И это настолько типично для тогдашнего революционного движения, что большинство всех повстанцев, которые то тут, то там появлялись тогда по России, принимали звание императора. Это импонировало забитой крестьянской массе, но, конечно, не говорило о ее сознательности. Однако, это было лишь только внешним прикрытием глубоко революционного движения, направленного против всего тогдашнего господствующего строя и прежде всего против дворянства и дворянского царя.

Восставшие яицкие казаки быстро захватили ряд крепостей и разбили царские войска. Восстание шло под лозунгом освобождения казачества от кабалы, от власти монополистов-откупщиков, захвативших рыбные и соляные промыслы.

Манифест Пугачева обещал казакам совершенно свободное распоряжение рыбными промыслами, землями, обещал жалованье, снабжение военным снаряжением и прочее. Таким образом, манифест обещал полную казацкую вольность.

К восставшим казакам тут же примыкают угнетаемые царизмом башкиры. Здесь движение идет под лозунгом освобождения их от русских колонизаторов. Пугачев обещает вывод из пределов Башкирии русских колонизаторов и фактически обещает, как мы бы сказали теперешним языком, полную автономию—создание самостоятельного царства. Вместе с тем, пугачевщина несла башкирам и прочим угнетаемым народам не только освобождение от русских эксплоататоров, но также и освобождение и от местных феодалов, от мусульманской церкви, мусульманских попов, нещадно грабивших туземцев.

В первый же месяц после начала восстания к повстанцам присоединяются и уральские горнозаводские крестьяне-рабочие, которые начинают снабжать их артиллерией, ядрами и, главное, давать опытных артиллеристов. Движение достигает громадной силы. Правительственные войска бегут. Начальники качаются на виселицах. Значительная часть правительственных войск, даже иногда во главе с офицерами, переходит на сторону повстанцев. Если бы Пугачев и его руководящий штаб использовали это благоприятное положение, несомненно успех повстанцев мог быть обеспечен. Однако, после первых же успехов, Пугачев отнюдь не идет на центральное Поволжье, что дало бы ему возможность поднять массовое крестьянское восстание, восстание крепостных. Вместо похода на Казань и Нижний, повстанцы поворачивают обратно к центру угнетения яицкого казачества, к крепости Оренбургу, которая тогда еще находилась во власти правительства.

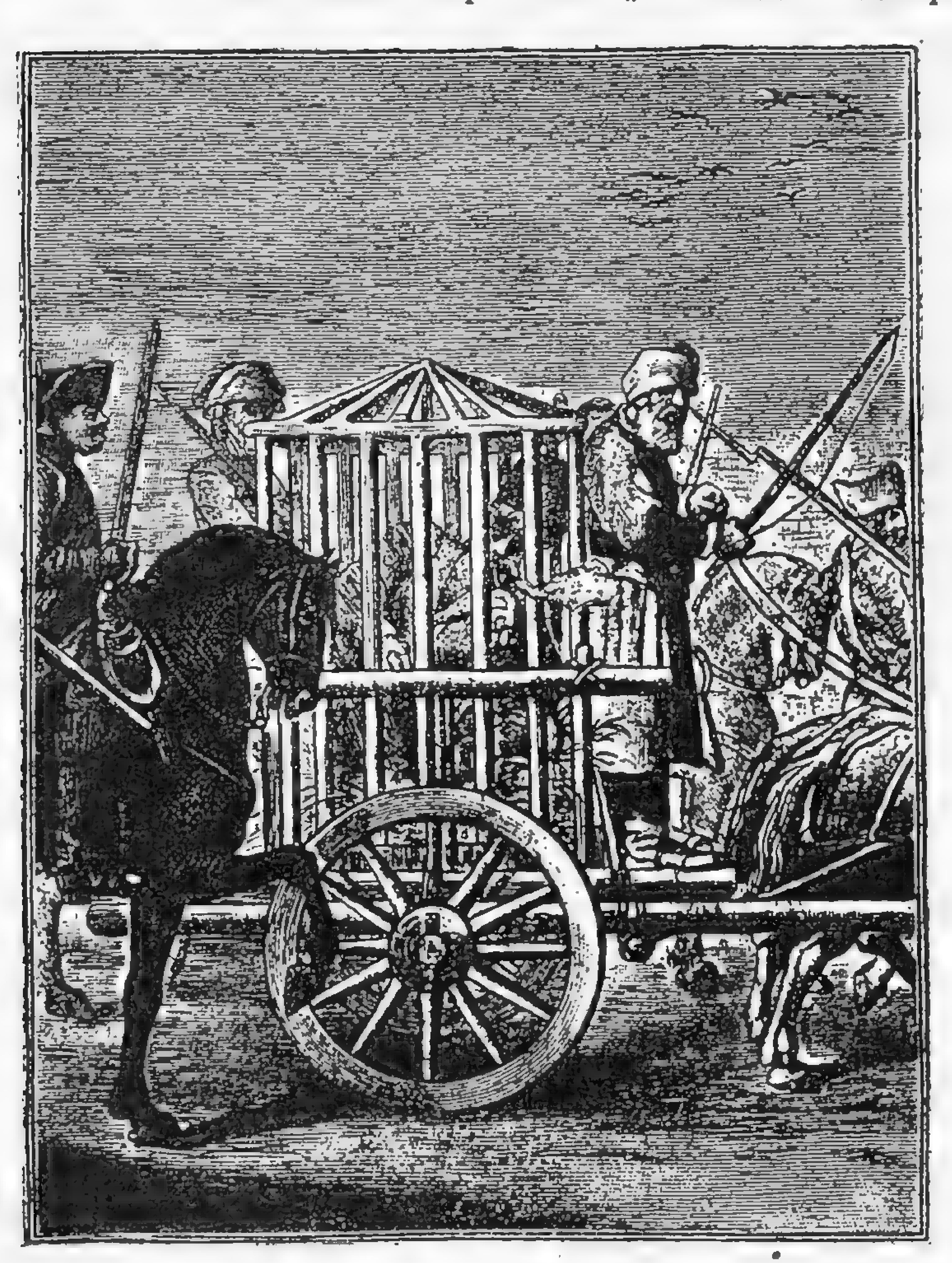
Поворот к Оренбургу был не только стратегической, но и громадной политической ошибкой. Он показал местную ограниченность повстанцев, которые в лице казаков прежде всего заботились о том, чтобы прогнать власть из своих пределов, не понимая того, что нужно было прежде всего победить центральную власть. Под Оренбургом повстанцы застряли на несколько месяцев, до марта 1774 года. Это дало возможность правительству собраться с силами, бросить войска из центральной России, так что соотношение сил в конце концов оказалось не в пользу повстанцев. Если у повстанцев, примерно, к марту месяцу 1774 года насчитывалось всего три тысячи войска, то у правительства насчитывалось до десяти тысяч. И вот, когда уже фактическое превосходство сил оказывается на стороне правительства, Пугачев под давлением правительственных войск идет на Урал, в район горных заводов, где, так сказать, его питательной средой становятся

горно-заводские крестьяне, которые уничтожают заводы—основу их угнетения—и жгут бумаги, которые фиксировали их прикрепление к заводам. Наконец, Пугачев делает последнюю попытку прорваться в центр России. Он идет на Поволжье.

Самым крупным успехом повстанцев был захват ими Казани 12 июля 1774 года. Это имело то громадное значение, что открывало перед повстанцами возможность поднять основные крестьянские массы в центральной России.

Пугачев вполне правильно рассчитывал, что ему удастся поднять на восстание все угнетаемое крепостное крестьянство. Восстание несло крестьянству полное освобождение от помещичьей кабалы и от крепостнической зависимости. Манифест Пугачева обещал крестьянам превращение в „вечных казаков", т.-е. в свободных крестьян, освобождение от подушной и прочих денежных податей, от рекрутского набора, обещал полное владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброка.

Он освобождал крестьян „от злодеев дворян, городских мздоимцев и судей". Пугачевщина несла уничтожение крестьянским эксплоататорам, как писал в своем манифесте Пугачев: „кои дворяне в своих поместьях и вотчинах (находятся) оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили со своими крестьянами, по истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века и продолжаться будут".

Пугачев, заключенный в клетке, по дороге в Москву.
(Со старинной гравюры).

Именно в освобождении крестьянства от помещичьей кабалы и вообще в освобождении всего угнетаемого люда и было все значение пугачевщины. Во всех районах России шло глухое брожение. Повстанческие отряды Пугачева доходят до центральных областей России, до Воронежа и Тамбова. Но даже и там, где не было повстанческих отрядов, крестьяне начинают вол-

новаться, нередко громят помещичьи имения и вешают самих владельцев. Вместе с крестьянством подымается и городской предпролетариат, городская мелкая буржуазия—ремесленники, кустари и т. п. Так, например, известно о крупных волнениях Тульских мастеровых, которые готовы были с минуты на минуту выступить, так что правительство вынуждено было принять целый ряд мер, чтобы парализовать возможность движения. Вся дворянская Россия была захвачена паникой, дворяне бежали из своих имений и массами скоплялись в городах, особенно в столицах.

Однако, на этот раз центральные силы повстанцев уже были разбиты. Им не удается, ввиду превосходства правительственных войск, удержаться в Казани и они должны стремительно отступать по Волге. Пугачев стремится соединиться с донским казачеством и поднять его на восстание. Хотя к нему в низовьях Поволжья действительно присоединяется часть донцов, однако, все это было недостаточно для того, чтобы он мог выдержать решительное сражение. Правительственные войска настигают его под Царицыном, и 26 августа он терпит решительное поражение. Правительственным войскам при помощи предательства удается захватить самого вождя повстанцев—Пугачева.

Победившее правительство жестоко расправляется с повстанцами. Еще в самый разгар восстания царские генералы обещали казнить, вешать за ноги и за ребра, дома крестьянские, хлеб и сено поджигать и скот истреблять, обещали „пытать накрепко, а также нос и уши обрезать". Подобные угрозы были не только на бумаге, но реально осуществлялись царскими палачами. Царский главнокомандующий Панин приказал вешать из каждых трехсот человек восставшей местности—одного, всех же остальных пересечь жестоко плетьми и „у пахарей, негодных на военную службу, на всегдашнюю память злодейского преступления урезать одно ухо" и т. п. Тела казненных были разбросаны по всем проезжим дорогам. Таким жесточайшим террором правительство расправлялось с повстанцами.

Сам же вождь повстанцев Емельян Пугачев был привезен в Москву и после тягчайших пыток был казнен 10 (21) января 1775 года в Москве на Болотной площади.

Так окончилась третья по существу крупнейшая крестьянская война в России. Крестьянство было не организовано, не было еще достаточного руководства, крестьянство еще не сознавало себя, как класс, и потому это восстание и не могло быть успешным, несмотря на то, что за Пугачевым готова была подняться вся тогдашняя угнетаемая масса.

После неудачи этой крестьянской революции революционная борьба крестьянства неуклонно продолжается, пока крестьяне не добиваются освобождения от крепостной зависимости в 1861 году. Однако, это „освобождение" проводили сами помещики, которые всецело сохранили свое прежнее господство. Полукрепостной строй в деревне целиком сохраняется до самой октябрьской революции. Когда в России создался пролетариат, в лице его крестьянство получило мощного союзника.

В революции 1905—6 года крестьянство уже выступает содидарно с рабочим классом. Однако, поскольку сам рабочий класс был еще не в силах свергнуть старый режим, рабоче-крестьянская революция

1905—1907 г.г. оказалась неудачной. Лишь через двенадцать лет, в Октябрьскую революцию пролетариат и крестьянство окончательно свергли буржуазно-помещичий строй в России. Октябрьская революция освободила крестьянство от помещичьей кабалы и открыла перед ним возможности постепенного перехода к высшим социалистическим формам хозяйства.

В. У.

Крестьянское восстание в Англии *).

Крестьянское восстание 1381 г. является первой встряской в истории Англии—встряской, втянувшей в борьбу тружеников города и деревни, как главную силу социального потрясения. Революционные потрясения имели в Англии место и раньше, но они носили совсем иной характер, как, например, борьба за Великую Хартию Вольностей в 1215 г.

Великая Хартия Вольностей представляет собою результат компромисса. Бароны прекрасно понимали, что, только опираясь на народную массу, только гарантировав ей и укрепив тот правовый порядок, какой уже успел сложиться в стране в результате развития широкой государственности, они могут рассчитывать на успех своих собственных, феодальных стремлений. И они действительно, соблюдая в первую голову свои интересы, включили в Хартию целый ряд параграфов, которые обеспечивали интересы не только среднего и мелкого рыцарства, но и горожан, простых свободных держателей земли и вообще всех свободных людей, а также крестьян-вилланов (крепостных).

Но сочетание общественных сил, вызвавшее к жизни Великую Хартию Вольностей, было весьма кратковременным. И лишь только об'единившая их причина была устранена, как каждый из общественных элементов зажил своими сословными и классовыми интересами, и недавние союзники превратились в ожесточенных врагов.

Крестьянское восстание 1381 года имело гораздо более глубокие экономические корни и носило **двойной** характер—**политического** восстания и **социальной** революции, направленной к ниспровержению крепостной неволи.

Чтобы понять, как и почему вспыхнуло это восстание, как зародились социальные идеи, которые обнаружились у восставших, необходимо разобраться в том, что представлял из себя английский мэнор (manor) — эта интереснейшая разновидность феодального поместья средневековой Европы—и в каком **производственном** и правовом отношении стоял прикрепленный к нему английский крестьянин-виллан.

История вилланства это—длинная и сложная история передвижений, непрерывных войн и завоеваний, которыми сопровождалось основание больших разноплеменных германских государств.

Тяжелая **военная** повинность требовала участия в больших и продолжительных, следовательно, разорительных походах. Вследствие этого она стала совершенно недоступной среднему гражданину варварского государства, владевшему обычным земельным наделом.

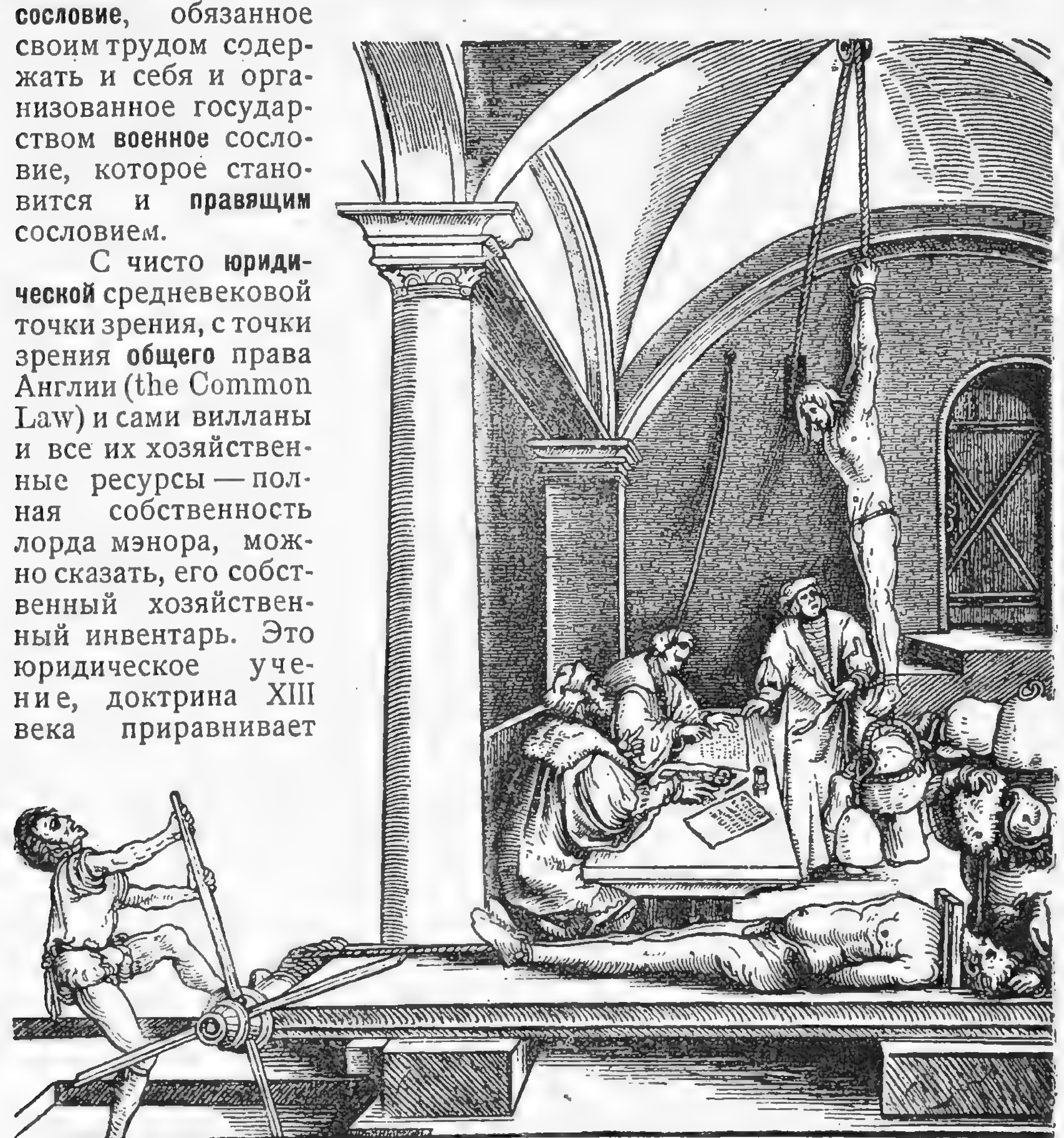
Государственной власти ничего другого не оставалось, как требовать военную повинность лишь от тех, кто **мог** ее нести.

---

*) По проф. Петрушевскому, Д. М.: «Восстание Уота Тайлера».

Крестьянская масса, таким образом, освобождается от военной повинности и из воинов - земледельцев превращается в **крестьянское сословие**, обязанное своим трудом содержать и себя и организованное государством **военное** сословие, которое становится и **правящим** сословием.

С чисто **юридической** средневековой точки зрения, с точки зрения **общего** права Англии (the Common Law) и сами вилланы и все их хозяйственные ресурсы — полная собственность лорда мэнора, можно сказать, его собственный хозяйственный инвентарь. Это юридическое учение, доктрина XIII века приравнивает

Пытка дыбой и водой.

английского виллана к римскому серву — к совершенно бесправному в отношении к своему лорду рабу, отдает в распоряжение лорда мэнора все хозяйственные ресурсы основной массы поместного населения и дает ему полную **юридическую** возможность совершенно свободно располагать землей, рабочей силой и хозяйственным инвентарем всего вилланства мэнора (поместья), сообразуясь лишь с интересами **своего** барского хозяйства и совершенно не считаясь с хозяйственными интересами вилланов и с их общинными распорядками.

Но если с точки зрения **общего** права воля лорда—единственный регулятор всей жизни основной группы поместного населения, т. е. вилланов-сервов, то мэнориальный обычай (consuetudo manerii) **обычное** право эту юридически неограниченную волю лорда сводит на деле почти-что на нет.

Сеньер, лорд мэнора, в силу **обычного** права, являлся фактически таким же **дольщиком** в общине, как и его вилланы, и не только в отношении пахотной земли, но и в отношении к общинным угодьям, каковы: луга, пастбища и т. п.; и ими он должен был пользоваться на **общем** с крестьянами - общинниками основании, выгоняя, напр., на общинное пастбище лишь тот скот, который перезимовал в поместье.

Общинный надел, держание (участка земли)—**необходимое условие барщины виллана**. Рабочие повинности лежат не столько на виллане, сколько на хозяйственно обставленной **земле**, которую он занимает и поскольку он ее занимает. Стоит ему эту землю оставить, стоит только ему порвать связь с общинным наделом и организованным на нем крестьянским хозяйством, и он в сущности выбывает из строя для барского хозяйства.

А связь эту ему нетрудно было порвать. Если виллан находил что он не в силах нести лежащих на его земле повинностей, то он мог по своей доброй и свободной воле возвратить эту землю лорду мэнора, мог ее оставить. Какая тут может быть речь о крепости земле?

Но, пока виллан **хотел** держать свой надел, мэнориальное обычное право давало ему при жизни широкую возможность распоряжаться своим держанием путем продажи, отдачи его в обеспечение долга или передачи его третьим лицам в условное держание, делая лишь во всех этих случаях в пользу лорда мэнора тот или иной денежный взнос.

После смерти виллана земля его переходила по праву наследования к его сыну, а если сына не было, то к ближайшему родственнику.

Даже в области повинностей, где, казалось бы, более всего должна бы была царить свободная воля лорда мэнора, даже здесь воля эта оказывается весьма серьезно **ограниченной обычным**, мэнориальным правом.

Не остается сомнений, что основная группа поместного населения—вилланы—была **экономически** вполне самостоятельна, обладала на правах наследственной собственности и землею, и всеми другими факторами производства.

В основе зависимость крестьянской общины от сеньера, от лорда мэнора есть зависимость **не экономическая**, а **политическая**.

Хозяйственные услуги, которые вилланы оказывали барскому двору, представляют собою не арендную плату, а государственный налог, уплачиваемый натурою крестьянским сословием для содержания другого такого же государственного сословия, военного и правящего класса.

Как об'яснить такое противоречие между хозяйственными **возможностями** лорда мэнора и хозяйственной **действительностью** его барского двора?

Едва ли приходится сомневаться в том, что основной причиной такой „конституционности“ лорда мэнора являлись общие хозяйственные условия той поры, ограниченность хозяйственного оборота, скромные размеры местного рынка, с которыми считалась хозяйственная жизнь средневековой английской деревни вообще и барского двора в частности. В интересах барского хозяйства было, чтобы держащий надел виллан был обставлен в хозяйственном смысле вполне удовлетворительно, потому что только при этом условии он мог быть полезен для **барского** хозяйства, опиравшегося на крестьянские хозяйства, как на свою основу.

Эта выгодная для лорд мэнора хозяйственная гармония между барским двором и сельской общиной, по мере **расширения** общих хозяйственных рамок начала колебаться и уступать место противоположности и борьбе классовых интересов. Но тогда наступал конец и феодальному поместью, мэнору.

Крупным шагом к **расширению** хозяйственной жизни Англии была несомненно **коммутация**, т. е. замена **натуральных** повинностей вилланов и державших вилланскую землю **денежными** платежами. Коммутация создавала хозяйственные условия, несовместимые с сохранением мэнориальных перегородок, уничтожала хозяйственную замкнутость мэнора, в котором интересы непосредственного потребления играли до тех пор очень заметную роль; коммутация открывала, до тех пор в значительной мере связанным хозяйственным силам Англии, возможность более свободного приложения в широких рамках **народно**-хозяйственного процесса.

Следует притом отметить, что, если **общий** склад поместной жизни заключал в себе много **натурально**-хозяйственного, имел **натурально**-хозяйственную основу, то тем не менее ни в одну из эпох своей истории, о которых дошли до нас какие-нибудь сведения, Англия не являлась страной **чистого** натурального хозяйства. И в жизни **средневекового** английского поместья всегда были налицо явления и факты **денежно**-хозяйственного порядка.

Развитие **денежного** хозяйства в Англии совершалось в результате естественного перехода от более **простых** форм хозяйственной жизни к формам более **сложным**, удовлетворявшим более сложные общественные потребности.

Деньги становятся совершенно необходимы и в **домашнем** обиходе лорда; к замене барщины **денежными** взносами склоняли лорда и чисто **хозяйственные** соображения. Лорду **удобнее** было перевести по крайней мере основную часть барщины вилланов на **денежные** взносы и на эти деньги нанимать рабочую силу, в пользовании которой он был более свободен, с помощью которой он мог достигать более удовлетворительных хозяйственных результатов.

Потребность баронов в более или менее крупных суммах на военные нужды побуждала их, в свою очередь, заменять **денежными** взносами барщину их вилланов.

Что касается **вилланов**, то выкуп барщины был для них равносилен фактическому **освобождению**, уничтожал самую основу их несвободного положения—работу в хозяйстве лорда мэнора. Выкуп давал им возможность находить для своего становившегося, таким образом, свободным труда более **производительное** применение, уже возможное в новых, денежно-хозяйственных условиях. Вполне соответствуя и собственным интересам вилланов, коммутация могла встретить с их стороны лишь полное сочувствие.

Освобождая от барщины своих вилланов, каждый лорд увеличивал контингент свободной рабочей силы, передавал, можно сказать, рабочую силу своих вилланов в **общее** распоряжение всех остальных землевладельцев, нуждающихся в ней. **Теперь каждый лорд зависел в своей хозяйственной деятельности прежде всего от игнорировавшего всякие мэнориальные перегородки рабочего контингента, если не всей страны, то целого большого района.**

Коммутация вызвала к жизни настоящих сельских рабочих, но нельзя, конечно, отожествлять сельских рабочих XIII, например, века с **современными** нам английскими рабочими-пролетариями, давным давно

отторгнутыми от земли. Сельский рабочий того далекого времени в большинстве случаев имел и в своем собственном распоряжении два, три или несколько более акров (акр—0,37 дес.) земли, за которые нес следуемые лорду повинности натурой или деньгами (обыкновенно натурой **и** деньгами). Таких **малоземельных** людей было очень много в средневековой английской деревне; из них состояло едва ли не большинство ее населения.

Замена крепостного труда свободным, несомненно, в значительной мере облегчала достижение барским хозяйством более удовлетворительных результатов. Но коммутация, разорвав органическую связь, соединявшую хозяйство лорда мэнора с хозяйством общины, разорвала ее только **отчасти**. Барская земля (домэн) не переставала быть тем, чем она была прежде—всего лишь **долей** в общинных полях и угодьях. Домэниальная (барская) земля все еще была в очень значительной мере **общинным** достоянием.

Но коммутация пришла не одна. С ней вместе в мэнориальный строй стали усиленно проникать настоящие **денежно**-хозяйственные **тенденции**. Если коммутация изменяла хозяйственные **средства** лорда мэнора, то денежно-хозяйственные тенденции совершенно изменяли его хозяйственные **цели**: с течением времени лорд мэнора становился все больше и больше **предпринимателем** и стремился, насколько возможно, **расширить** свою хозяйственную деятельность и окончательно освободить ее от еще спутывавших ее общинных уз. Не об удовлетворении прежде всего потребности лорда в продуктах сельского хозяйства шла уже теперь речь, но, главным образом, о возможно прибыльном сбыте этих продуктов на местном, а то и на отдаленном рынке. В интересах этой чисто **коммерческой** цели лорд насильственно, с кровью и с мясом, отрывал свое барское хозяйство от живого организма общины.

Барское хозяйство становилось все более и более настоящим хозяйством—**предприятием**, с землей, капиталом и трудом, как вполне дифференцировавшимися экономическими категориями. В связи с этим и лорд мэнора все более и более утрачивал свои **феодальные** особенности и все более и более превращался в **лэнд**-лорда, расширяя и делая возможно более интенсивным свое барское хозяйство и сдавая расширенную за счет **общинных** угодий свою домэниальную землю в арендное пользование опять таки на чисто **коммерческих** началах.

Таким образом, хозяйственная гармония, согласованность хозяйственных интересов барского двора и общины, имевшая место в эпоху господства **натурального** хозяйства, «приказывает уже долго жить». **Денежно**-хозяйственное развитие внесло рознь, все более и более обостряющуюся. **Интересы лорда становятся теперь прямо противоположными интересам общины.**

Таковы были производственные отношения, когда в Англию, к началу августа 1348 года проникла Черная смерть—чума. Она продолжалась в общем около четырнадцати месяцев, уменьшив население английского королевства едва ли меньше, чем на половину. Больше всего пострадал от чумы «простой» народ и духовенство, и притом самые сильные и здоровые их элементы.

Одним из результатов Черной смерти, потрясших все основы хозяйственного строя страны, был небывалый, колоссальнейший **рабочий кризис**. „Так велик был недостаток в рабочих,—говорит один современник,—что третья часть земли, и даже больше того, по всему королевству оставалась невозделанной. Приходилось посылать к плугам и телегам женщин и малолетних. Во многих местах хлеб погиб на полях

так как его некому было собрать. Овцы и рогатый скот бродили по полям без пастухов и гибли массами, оставшись без призора".

Естественно, что уцелевшие от Черной смерти рабочие стали требовать высшего сравнительно с прежним вознаграждения.

Не следует забывать, что еще до чумы 1348 года барское хозяйство велось уже главным образом с помощью наемного труда, заменившего обычные повинности вилланов. Не Черная смерть, унесшая массу вилланов, создала потребность лордов мэноров в наемных рабочих руках. Она лишь усилила эту потребность, уже и до того ставшую, так сказать, их нормальной потребностью, а главное, Черная смерть вызвала вздорожание этих наемных рук, в прежнее время довольствовавшихся более скромным вознаграждением.

Мириться с „коварством и наглостью, низостью и жадностью" наемных рабочих землевладельцы совсем не были расположены. Создать нужную им дешевую рабочую силу сами они были бессильны, и потому они потребовали вмешательства государственной власти.

И государство не усумнилось приступить к разрешению этой трудной задачи, вооруженное нетронутой верой во всемогущество полицейских предписаний и мероприятий.

Эти перлы полицейского творчества нашли свое выражение в королевском „Ордонансе о рабочих и слугах", разосланном по всей Англии в июне 1349 года, и в „Статуте о рабочих", принятом первым после чумы парламентом, собравшимся в феврале 1351 года. Рабочие статуты интересны тем не менее уже потому, что они свидетельствуют о существовании в Англии к половине XIV века даже особого рабочего класса, жившего исключительно продажей своей рабочей силы для нужд барского и арендаторского хозяйства. Эти статуты направлены прямо и непосредственно против „каждого мужчины и каждой женщины королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, здоровых и не старше шестидесяти лет, **кто не живет торговлей и не занимается каким-либо ремеслом, не имеет собственных средств к жизни или собственной земли, возделыванием которой был бы занят**". Более точного определения рабочего едва ли можно требовать. Это настоящий **пролетариат**, это люди, которым, по словам того же ордонанса, остается или „**трудом снискивать средства к жизни**, или проводить жизнь в праздности, **побираясь**".

Вот чьим трудом жило барское и не-барское хозяйство накануне великого мора. Законодательный памятник, таким образом, достоверно устанавливает, что **к половине XIV века в Англии уже существовал особый рабочий класс, состоявший из людей, единственным достоянием которых являлись рабочие руки, которые они и несли на рынок, как это делается и в настоящее время, и что этот вполне выделившийся общественный класс представлял собою ту рабочую силу, без которой уже не могло существовать тогда сельское хозяйство как у самих мэнориальных лордов, так и у их держателей и арендаторов**. Эта смежная с нищими группа рабочих была весьма обширна и занимала очень видное место в хозяйственной жизни Англии.

„Злонамеренность", однако проявили не одни эти сельско-хозяйственные рабочие. Не в меньшей степени, „наглыми и строптивыми" показали себя и ремесленники, также поднявшие цену на свой труд, а также и продавцы съестных припасов, повысившие цены на предметы первой необходимости, и даже особая разновидность служителей алтаря, так называемые капелланы, мало чем отличавшиеся **экономическими** условиями своей жизни от рабочего класса. Из рядов капелланов вышел и такой видный вождь восстания, как Джон Болл, но об этом будет речь впереди.

Стремясь увеличить кадры сельско-хозяйственных рабочих, правительство вменило в обязанность ремесленникам и мастеровым и их подмастерьям и ученикам наниматься для полевых работ во время жатвы, если они не принадлежат к числу людей с большим достатком и если на их ремесло нет большого спроса. Мало того. Было постановлено, что, кто до двенадцати лет был занят в сельском хозяйстве, тот уже **навсегда** должен оставаться при этом занятии и уже не может сделаться мастеровым или ремесленником.

Ордонанс предписывает сельско-хозяйственным рабочим беспрекословно принимать предложение всякого, кто ищет слуг и рабочих, и притом за плату, какая была в обычае **до** Черной смерти.

Ордонанс грозит рабочему тюрьмой, если он не захочет наниматься к тому, к кому ему **невыгодно** наниматься, к кому наниматься для него равносильно нанесению себе материального ущерба.

Так решительно и откровенно становится ордонанс на сторону интересов **одного** класса и приносит ему в жертву интересы **другого** класса.

Статут 1351 года идет еще дальше. Он **об'являет беглого рабочего** находящимся **вне закона**, т.-е. лишает его всех прав человека и члена общества, ставит его наравне с диким зверем, которого всякий может убить не только безнаказанно, но и с сознанием, что совершил весьма полезный для спокойствия и благополучия общества поступок. Если беглец попадается в руки властям, то одной тюрьмой колодками и штрафами он уже не отделается: по требованию человека, заинтересованного в поимке рабочего, этому рабочему раскаленным железом выжигают на лбу клеймо, которое должно свидетельствовать о его „недобросовестности". **Такого** ига никогда еще не нес рабочий человек в Англии.

Но не взирая на все принятые против них ужаснейшие меры, рабочие не стали сговорчивее. Перспектива тюрьмы, колодок и даже выжженного на лбу раскаленным железом позорного клейма не страшила рабочих, и они по-прежнему без стеснения бросали своих хозяев, лишь только представлялся случай получить где-либо более высокое вознаграждение.

Несмотря ни на какие суровые наказания, все эти узаконения, направленные на понижение заработной платы, оставались мертвой буквой. Этому способствовали, конечно, в своих шкурных интересах, классовые враги рабочих—сами **наниматели**, которые—по крайней мере многие из них,—совершенно игнорируя энергично издававшиеся королем и парламентом жестокие рабочие законы, **вели** не менее **энергичную борьбу из-за рабочей силы.**

Таким образом, беглые рабочие и слуги немедленно же находили себе работу в других местах. Наниматели, в погоне за рабочей силой, вынуждены были платить такую плату, какую требовали рабочие, не взирая на ордонанс и статуты.

Не достигнув своей непосредственной цели, **рабочая политика Английского правительства создала для трудящихся поистине ужасные условия** и этим **могла только** развить у них самые враждебные чувства ко всем без различия представителям государственного „порядка" и таким образом **подготовить почву для 1381 года**.

Что особенно следует подчеркнуть, так это то, что **это поистине драконовское законодательство имело в виду не одних пролетариев**, как это можно было бы думать, опираясь на вполне определенные заявления ордонанса 1349 года.

Крестьянин со своим ребенком бросается из окна подожженного врагами дома.

Как мы уже знаем, ордонансом 1349 года рабочий определялся, между прочим, и как человек, не имеющий собственной земли, возделыванием которой он **был бы занят**. В парламенте 1354 года король „раз'яснил", что под рабочим следует понимать и мелкого землевладельца, который **недостаточно-де** занят возделыванием собственной земли. Это „раз'яснение" подвело под действие рабочего законодательства и мелких землевладельцев свободного и вилланского состояния. Таким образом, **лишенною прав оказалась в сущности почти вся масса земледельческого населения,** поскольку мелкие землевладельцы составляли огромное большинство в составе населения каждой деревни.

Раньше, выполнив все то, что ему предписывало мэнориальное право, виллан мог свободно располагать собой и своими руками. Да и все повинности лежали не столько на нем, сколько на **земле**, которую он держал, и, откажись он от земли, он тем самым освобождался и от повинностей и становился фактически совершенно свободным человеком. Свою рабочую силу он мог **свободно** отдавать **всякому** нанимателю—и своему лорду в том числе—как внутри мэнора, так и за его пределами.

Теперь виллан становится **всеобщим** достоянием. Весьма **ограниченная** несвобода его в отношении к **одному** своему лорду заменяется **полным** и безусловным закрепощением его за **всеми** нуждающимися в его рабочих руках землевладельцами, из которого единственный выход—колодки и тюрьма. Теперь ордонанс и статуты отняли у него **всякую** свободу и загнали его в ярмо такого рабства, перед которым его **феодальная** несвобода оказывалась лишь призраком.

Анализ рабочего законодательства приводит нас, таким образом, к убеждению, что действительно барщина не играла главной роли в мэнориальном хозяйстве, что лорд мэнора,—поскольку он еще вел **собственное** хозяйство, а не сдавал свою барскую землю в аренду, развитие которой шло быстрыми шагами,—зависел, как и всякий другой сельский хозяин, главным образом от **наемного** труда.

Вызванный Черной смертью рабочий кризис, не устраненный рабочей политикой правительства, вызвал в английском обществе очень сильную **феодальную** реакцию, внушив лордам мэноров мысль воспользоваться всеми своими сеньериальными (господскими) правами в отношении к несвободному или державшему на несвободных условиях населению их мэноров, в том числе правом на их труд, которым они **давно** уже не пользовались во всем его об'еме, довольствуясь в большинстве случаев незначительными **денежными** платежами, его заменившими. **Без преувеличения можно сказать, что того крепостного права, какое обрушилось на английского виллана после Черной смерти, предки этого виллана не знали никогда.**

Ничего удивительного, что во многих частях королевства сеньоры чувствуют себя в своих поместьях, как во вражеском стане, что почти в каждом мэноре вилланы и держащие землю на вилланском праве ведут **организованную** борьбу с сеньерами, сплотившись в союзы, скрепленные клятвой взаимной поддержки, чтобы давать отпор мэнориальной администрации, принуждающей их к несению барщины и других обычных повинностей, что озлобление крестьян против сеньеров так велико, что они готовы, чтобы отомстить своим сеньерам, соединиться с неприятелем в случае, если тот сделает нашествие на страну, пользуясь ее социальной неурядицей, вызванной этим их бунтом.

И не только вилланы, но и свободные, и феодальные держатели, и арендаторы в собственном смысле—вся эта огромная и пестрая

масса мелких землевладельцев, жившая трудами рук своих и восполнявшая недочеты своего скромного бюджета **свободной** отдачей своих рук более крупным землевладельцам, была отдана теперь наравне с настоящими пролетариями в полное распоряжение сельских хозяев (их прежде всего) со всеми своими хозяйственными интересами и со всеми своими человеческими правами.

Мы уже в атмосфере 1381 года. Нужен был только **внешний** толчек, чтобы **отдельные** очаги недовольства, уже принявшего форму **организованной** борьбы крестьян каждого отдельного мэнора с **своим** лордом, слились в общее пламя широкого народного движения, направленного против хозяйственных и социальных основ феодального строя, против личной и поземельной несвободы.

Этот внешний толчек не заставил себя долго ждать.

Правительство и парламент облагали народ все новыми и новыми налогами на военные нужды. Недовольство и раздражение все усиливалось, тем более, что военные неудачи шли рука об руку с неурядицами и злоупотреблениями во внутреннем управлении.

В ноябре 1380 года парламент разрешил королю **поголовный налог** (the Pall tax) на содержание войска, находившегося в Бретани и для защиты королевства и для охраны его со стороны моря. Каждое светское лицо как мужчина, так и женщина, за исключением настоящих нищих, должно было внести три грота (т.-е. шиллинг, так как грот равнялся 4 пенсам).

За последние четыре года это уже был **третий** поголовный **налог**, и притом **самый тяжелый, всей тяжестью ложившийся на самые несостоятельные элементы** английского общества. Притом, в отличие от налогов чисто **феодального** типа, падавших на **землю**, он ставил каждую личность в **непосредственное** соприкосновение с агентами государственной власти и тем открывал перед этими последними возможность самого широкого произвола и злоупотребления.

Население спасалось от налогового бремени, уменьшая на целую треть цифру своей действительной численности, составляя заведомо неполные податные списки. Когда это обнаружилось, то король в марте 1381 года издал приказ о назначении в каждом графстве особой комиссии для проверки в каждом графстве *) податных списков и взыскания налога со всех уклонившихся от него. Комиссиям было предоставлено право арестовывать и заключать в тюрьму всякого, кто вздумает противиться их требованиям. И современные хроникеры согласно отмечают жестокость и бесчеловечность, с каким комиссары производили расследование и взимали недоимки, чиня народу многие утеснения с обиды, не щадя даже девичьей чести.

Не предвидя конца налогам и не будучи больше в состоянии выносить их бремя, народ, по словам современных хроникеров, **стал думать об организовонном сопротивлении.**

Мысль эта впервые получила осуществление в **графстве Эссек**. Здесь жители рыбацкой деревушки **Фоббинга** заявили комиссару Бэмптону, что они не стануг платить ни одним пенни больше того, что они уже прежде заплатили сборщикам. Бэмптон стал грозить крестьянам жестокой расправой. Тогда к жителям Фоббинга присоединились жители соседних деревенек **Керрингема и Сэмфорда**, справедливо видя в деле фоббингцев и свое собственное дело, вступили в соглашение между собою и, вооружившись луками и стрелами, явились к Бэмптону и дали ему категорический ответ, что они не только не будут платить

*) Графство—территориальная единица, вроде нашего уезда.

денег, которые он с них требует, но и вовсе не желают иметь с ним дело. Бэмптон принужден был со всеми своими помощниками поспешно бежать в Лондон, спасая свою жизнь от рук раздраженного народа. Это произошло в последних числах мая 1381 года.

Раз вспыхнув, восстание стало быстро разгораться. Движение быстро распространялось, силы восставших увеличивались. Крестьяне бросали полевые работы, оставляли жен и усадьбы и спешили на зов восставших. Скоро их собралось до пятидесяти тысяч человек. Топоры, серпы, вилы и молоты служили им вместо шпаг и мечей.

Отряды восставших переходили из одной местности в другую, нападали на усадьбы духовных и светских землевладельцев, уводили скот, уносили имущество и **беспощадно жгли документы в виде протоколов поместных судов, описей крестьянских повинностей и других показателей крестьянской несвободы.**

Постепенно отдельные отряды восставших присоединились к основному ядру, и **вся многотысячная масса двинулась к столице**, громя и сжигая по дороге усадьбы судей, адвокатов, присяжных, представителей администрации, самих владельцев предавая смерти или заставляя присоединяться к восстанию.

Такими чертами рисуется нам эссекское движение, возникшее из сопротивления сборщикам поголовного налога и превратившееся в восстание народной массы против представителей королевского суда и администрации и против крепостного права.

Движение очень скоро перешло границы эссексого графства. Летописцы сообщают нам, что эссекцы, начав восстание, разослали своих посланцев в Кент, Сэффольк и Норфольк, приглашая жителей этих графств восстать вместе с ними, чтобы соединенными силами **добыть свободу и «изменить худые обычаи в королевстве».**

Город Дартфорд сделался на время центром, куда направлялись отдельные элементы **кентского** восстания. Отсюда **восставшие двинулись по направлению к Кентербери.** По мере движения к Кентербери силы восставших увеличивались: к ним присоединялись жители тех сотен (нечто вроде волости) и сел, через которые они проходили.

Восставшие останавливали всех богомольцев, шедших из разных концов Англии в Кентербери, чтобы поклониться гробу Фомы Бекета *) или возвращавшихся домой, и заставляли их давать клятву, что они будут «хранить верность королю Ричарду и общинам», явятся к ним по первому требованию, привлекут на свою сторону своих соседей и никогда не допустят, чтобы в королевстве взимался какой-либо иной налог, кроме пятнадцатой деньги, которую только и знали их отцы и деды.

Нельзя не признать крайне остроумным способом пропаганды обращение именно к богомольцам, пришедшим в Кентербери из всех концов английского королевства и, следовательно, обеспечивавшим весьма быстрое распространение восстания по всей его территории. Этот факт в значительной степени об'ясняет почти полную одновременность взрыва на самых отдаленных один от другого пунктах английской территории—одновременность, поражавшую современников и наводившую новейших ученых на мысль (или подтверждавшую для них уже раньше составленное ими мнение), что восстание 1381 года было задумано, пропагандировано и организовано заранее, до столкновения со сборщиками поголовного налога.

---

*) Фома Бекет (1119—70) архиепископ кентерберийский, убитый рыцарями короля Генриха II, был чтим народом, который считал его мучеником и святым.

Сильно увеличившаяся главная масса кентцев с **Уотом Тайлером** из Эссекса, которого, по словам хроникера, она сделала своим вождем и руководителем, 10-го июня вступила в Кентербери. Немедленно восставшие сделали нападение на Кентерберийский замок и освободили заключенных в нем лиц. Живший в Кентербери шериф (высшее должностное лицо в графстве) должен был принести им клятву верности и выдать им все хранившиеся у него документы, которые были сожжены на городской площади.

На другой день **восставшие кентцы** оставили город и **двинулись по направлению к столице**, «увлекая за собой всех жителей деревень направо и налево», «подобно буре разрушая дома адвокатов и прокуроров королевского суда и суда архиепископа и никому не давая пощады», как говорит летописец. По дороге они зашли в **Мэдстон**, разбили здесь тюрьму архиепископа кентерберийского и освободили всех заключенных.

В числе заключенных в архиепископской тюрьме находился капеллан **Джон Болл**, знаменитый проповедник, пользовавшийся великой славой и уважением среди народа, который видел в нем пророка, бесстрашно обличавшего неправду сильных мира сего, как светских вельмож, так и в особенности духовных сановников, официальных охранителей „божьего закона“ на земле.

Болл немедленно стал одним из главных вождей восставших, рядом с Уотом Тайлером, Джоном Гелзом и Уильямом Гоукером, и своими пламенными речами воодушевлял народные толпы.

В среду, 12-го июня, полчища восставших кентцев подошли к Блэкгизсу (Blackheath), покрытый лесом возвышенности в трех милях (английская миля—1,5 версты) от Лондона. Король послал узнать от них, из-за чего они восстали. Они отвечали, что поднялись они для того, чтобы спасти его и истребить изменников ему и королевству; они жаловались на те тягости, какие терпит простой народ, благодаря налогам и притеснениям знати. В течение целого ряда лет—говорили они—королевством английским дурно управляли; от этого много терпел простой народ; в этом виноваты дядья короля и духовенство, в особенности архиепископ кентерберийский, канцлер королевства; у него они хотят потребовать отчет.

Король, бывший в Уиндзоре, поспешил вернуться в Лондон, чтобы вместе с родственниками, сановниками и придворными укрыться в Тауэре *).

Кентские повстанцы расположились в Блэкгизсе с Уотом Тайлером, Боллом и другими своими предводителями. Силы их увеличивались вновь прибывавшими. Джон Болл произнес перед толпою полную одушевления, страстную речь на текст популярного среди простого народа двустишия: „Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?“.

Вначале, говорил Болл, все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Впоследствии нечестивые люди стали угнетать своих ближних, и явилось рабство, противное воле божией: если бы богу угодно было создать рабов, он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом и кому господином. **Настал час сбросить иго долговременного рабства и получить давно желанную свободу.** Болл убеждал своих слушателей действовать мудро, уподобляясь доброму хозяину, вырывающему плевелы на ниве своей, чтобы они не заглушали пшеницы.

---

*) Тауэр—громадная лондонская цитадель, бывшая в то время королевской резиденцией (местопребыванием), государственным казначейством и политической тюрьмой.

Прежде всего они должны перебить всех магнатов королевства, затем истребить законоведов, судей и присяжных и в заключение стереть с лица земли всех тех, кто может принести вред общинам. **Только когда у всех их будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, только тогда они будут наслаждаться миром и безопасностью.** Речь эта произвела сильное впечатление на народ и вызвала одобрительные крики.

Лондонский мэр и олдермены постановили запереть ворота, но **простонародье** города, и в особенности **беднейшее**, сочувствуя крестьянам, воспрепятствовали мэру запереть ворота, употребив в отношении к нему силу и угрожая ему смертью, если он вздумает попытаться сделать это. В то-же утро, 13-го июня, **кентцы**, с Уотом Тайлером, Джоном Боллом, Томасом Гоукером и многими вождями во главе, с распущенными знаменами **вступили в город**. В то же время через северо-восточные ворота **вошли в Лондон эссексцы**, стоявшие на Майл-Энде.

Немедленно к толпам восставших присоединились жители столицы.

Удивляться, что лондонское простонародье оказалось **заодно** с восставшими крестьянами, конечно, не приходится.

„Злонамеренность“ и „корыстолюбие“ проявили не только всех видов работники земли, но и другие элементы рабочего класса, а также ремесленники и продавцы с‘естных припасов. И рабочее законодательство било очень больно и по их насущнейшим интересам. „Статутом“ предписывается плотникам, каменьщикам и штукатурам брать за свой труд поденную плату в **обычном** размере, какую они брали **до чумы**. „Статут“ не забывает своей „милостью“ и **ремесленников**. Парламент постановляет, что все ремесленники должны продавать свои изделия так же, как они продавали их в 1347 году. Нарушители постановления наказываются штрафом в пользу короля и тюремным заключением.

Парламентский список жителей Лондона, принимавших участие в восстании в качестве „главных вождей, подстрекателей, пропагандистов и зачинщиков“, убеждает нас, что на стороне восстания были далеко не одни представители городской массы, но и не мало людей **достаточных. Преобладающее большинство «главных вождей,** подстрекателей, пропагандистов и зачинщиков»—**хозяева** ремесленных и торговых заведений, а не ремесленники—пролетарии, живущие исключительно заработной платой, слуги или чернорабочие. **Нового** в программу восстания такого рода „главные вожди“ ничего не внесли; они лишь подчеркнули красной чертой интересовавшую их **политическую** сторону программы.

Один отряд восставших занял площадь возле Тауэра с намерением заставить короля выслушать и исполнить их требования. Восставшие заявляли, что они желают потребовать отчет у архиепископа кентерберийского (канцлера Англии) и узнать, что сталось с теми большими суммами, которые были собраны в королевстве в последние пять лет, и если канцлер не представит удовлетворительного отчета, он худым кончит.

В пятницу утром (14 июня) толпа, осаждавшая Тауэр, подняла сильный шум. **Если король не явится к ним** для собеседования, заявляли восставшие, и не выдаст им изменников и своих дурных советников, **они разрушат Тауэр и перебьют всех в нем находящихся, не исключая и самого короля.** Попытку короля убедить осаждавших разойтись по домам и обещание удовлетворить их по возможности они назвали вздором и насмешкой, и королю не оставалось ничего другого, как

согласиться на требование восставших и отправиться к ним для личных переговоров. Местом свидания был назначен **Майл-Энд**, куда и прибыл король и его свита.

На короля глядели тысячи суровых лиц—говорит летописец. Ричард находился в смертельном страхе и приветствовал толпу растерянно—заискивающим поклоном. К нему подошло несколько человек и от лица остальных **подали ему письменную петицию, весьма настойчиво требуя, чтобы он утвердил ее своими королевскими письмами, заявляя, при этом, что он не уйдет от них, пока не даст своего согласия на их требования.**

Вот содержание этой петиции: „**Все в пределах королевства Англии должны быть освобождены от всякого рода личной зависимости и рабства, так, чтобы впредь не было не одного виллана.**

„**Всем своим подданным король должен** простить всякого рода совершенные теперь против него преступления, как-то: восстания, измены, убийства и грабежи, захват чужих прав, вымогательства и **даровать** им, всем и каждому, свой **крепкий мир.**

„**Всем подданным короля должно быть даровано право свободно покупать и продавать** во всех городах, местечках, селах, где производится торговля, и во всех других местах в пределах королевства Англии.

„**Землю**, которую прежде держали на **вилланском** праве, за службу, **впредь должно держать исключительно за деньги**, при чем **с акра следует брать не более четырех пенсов**; в тех же случаях, когда за акр взимали менее четырех пенсов, эта последняя плата не должна быть возвышаема“.

И много других предосудительных вещей требовали они от короля, прибавляет летописец. В частности, Уот Тайлер от имени общин потребовал от короля выдачи им „всех изменников ему и закону“.

Отклонив это последнее требование, король согласился на все остальное, обещал выдать освободительные грамоты двум-трем представителям от каждой деревни, а остальных просил разойтись по домам.

Эссексцам—говорит летописец—было приятно слышать это предложение: они уже устали от продолжительных трудов, соскучились по своим домам, женам и детям; и они **решили удалиться**, оставив некоторых из своих получать королевские грамоты.

После удаления эссекских крестьян, в Лондоне остались кентцы с Уотом Тайлером, Джеком Строу, Джоном Боллом и другими своими предводителями. Французский хроникер насчитывает их более тридцати тысяч. **Кентцы не были удовлетворены освободительной грамотой, выданной жителями Эссекса**; они и бывшие в их сообществе хотели **большего**. По-видимому, между ними и королем было условлено, что король явится к ним на Смисфильд (площадь, где по пятницам продавали лошадей.

Когда в субботу (15 июня) король со свитой отправился на **Смисфильд**, здесь уже ждала его стоявшая в боевом порядке огромная толпа народа с Уотом Тайлером во главе. Король через лондонского мэра Уолуорса предложил предводителю восставших явиться к королю и изложить ему их требования.

Уот Тайлер отправился к королю и решительно заявил, что ни он ни его товарищи не уйдут, пока не получат грамоты, дополненной новыми статьями, и что лорды королевства горько раскаются, если эти статьи не будут прибавлены. И затем стал излагать эти пункты:

Все выделенные в исключительное пользование сеньеров (господ) **лесные и водные территории должны стать общим достоянием**, чтобы как богатый, так и бедный мог по всему королевству во всех реках и

Расправа с побежденным крестьянством.

прудах свободно ловить рыбу, охотиться за зверями во всех лесах и гонять зайцев на всех полях. Впредь **суды не должны приговаривать к лишению покровительства законов. Права сеньеров должны быть упразднены** и установлено равенство всех, кроме короля. **Находящиеся в распоряжении** монахов, настоятелей приходов и других **церковных людей имущества должны быть отняты у них,** за исключением того, что необходимо для их содержания, **и разделены между прихожанами. Все земли и держания епископов и прелатов должны быть взяты у них и разделены между общинами.** В заключение Тайлер заявил, что **в Англии не должно быть вилланов и вилланства, но все должны быть свободны и равны.**

Король выразил готовность удовлетворить все эти требования и предложил Тайлеру и его товарищам не медля разойтись по домам. Когда Тайлер, не обращая внимания на короля, стал взбираться на свою лошадь, один из свиты короля назвал его величайшим вором и грабителем во всем Кенте, а затем Тайлер был предательски убит мэром и свитой короля.

Кентцы довольно долго не догадывались, что произошло с их предводителем. Но, наконец, все им стало ясно. В толпе пронесся грозный ропот. Все натянули свои луки, чтобы пустить в короля и его свиту тысячи стрел и отомстить за предательскую смерть своего вождя.

В эту минуту король дал шпоры коню и быстро помчался к толпе. «Я ваш предводитель, я—ваш король», воскликнул Ричард, «кто за меня, пусть следует за мной в поле: там он получит все, чего желает». Неожиданное смелое появление короля и его решительный тон произвели сильное впечатление, и все, как один человек, последовали за королем в открытое поле. Но здесь восставшие соглашались вести с королем переговоры о мире только на том условии, что он выдаст им головой мэра Уилльяма Уолуорса.

Мэр между тем поднял тревогу в городе, призывая спешить на помощь находившемуся в смертельной опасности королю. Быстро составился значительный отряд вооруженных людей и под командой сэра **Роберта Ноллиса** поскакал за город. Дело короля было выиграно. Совершенно неожиданное для кентцев прибытие блестящего городского ополчения внесло полное смятение в их ряды, и без того расстроенные предательским убийством их предводителя, и сделало их более сговорчивыми.

Король приказал выдать восставшим освободительные грамоты, подтверждавшие их требования, пред‘явленные ему на Майл-Энде, проводить их через Лондон, а сам со свитой возвратился в город, предварительно тут же, среди поля, возведя в рыцари лондонского мэра Уолуорса и еще несколько богатых и влиятельных представителей столичной буржуазии, поспешившей к нему на выручку. В ту же субботу **по приказу короля весь пришлый люд вышел из города.**

Вернувшись домой с королевскими письмами, крестьяне—как вилланы, так и свободные—стали считать себя, по выражению современного летописца, благороднее самого короля и свободными от всяких служб и обычных повинностей и решили вовсе не исполнять их и не платить никаких денежных взносов.

Никому из них не приходило на мысль, что и торжественные обещания короля на Майл-Энде, и совершенно официальный характер королевской грамоты, и королевская печать—все это только средство, чтобы избавиться от них, принятое правительством в интересах самосохранения в минуту крайней опастности, что, лишь только опастность пройдет, все это будет уничтожено, и их опять

заставят нести и барщину, и все другие повинности, „без противоречия, ропота, сопротивления или какого-либо затруднения“, предварительно наведя на них ужас страшными казнями, усеяв страну виселицами по девяти-десяти трупов на каждой, чтобы для потомков их „на вечные времена служило зеркалом их несчастие, чтобы они могли проклинать их и боялись совершать подобное“, как гласила грозная речь к эссексцам, влагаемая летописцем в уста короля.

А между тем именно **это** их ожидало, и в самом скором времени. На клич короля в течение трех дней в Лондоне собралось до сорока тысяч прекрасно вооруженных всадников, и уже в понедельник, 17 июня, заседала чрезвычайная судебная комиссия с лордом-мэром во главе и творила беспощадный суд и расправу над попавшими в руки правительства повстанцами.

Приказ принимать меры против восставших был отправлен во **все** графства, и это говорит за то, что в той или в другой форме **взрыв в центре отразился во всех без исключения графствах Англии.**

Эссекские крестьяне, так доверчиво отнесшиеся к обещаниям короля на Майл-Энде и мирно удалившиеся из столицы, чтобы воспользоваться полученной от короля свободой, скоро увидели, что их свободе грозит опасность, опять стали подниматься и «решили или добиться свободы, или умереть, сражаясь за нее». Но крестьяне скоро были разбиты силами местных магнатов. Многих из них перебили, остальных взяли в плен; часть пленных отпустили на свободу, остальные были отправлены в тюрьмы.

22 июня король назначил Роберта **Трезильяна** главным судьей Англии: «И вот», повествует лестерский каноник, «по королевскому повелению был послан судья Роберт Трезильян для следствия над восставшими и для наказания их. Раз‘езжая повсюду, он никому не давал пощады и произвел великое кровопролитие... Ибо над всеми, кто был обвинен перед ним в вышесказанном деле, справедливо ли, или из неприязни, он немедленно произносил смертный приговор. Одних он приказывал обезглавливать, других просто вешать, иных велел волочить через весь город, затем обезглавить, четвертовать и вешать в четырех концах города, **у иных же приказывал выпускать внутренности и сжигать их на глазах у них, пока они еще были живы, а затем четвертовать их и вешать в четырех частях города».**

2 июня король признал недействительными выданные **им повстанцам освободительные грамоты, так как** они-де вышли из его курии без зрелого размышления и наносят великий ущерб ему и короне, а также **грозят разорением как ему, прелатам** (высшему духовенству), **знати и магнатам английского королевства, так и «святой» английской церкви.**

В пятницу, 12 июля, король прибыл на расправу в Сент-Албанс. А в субботу, **13 июня, был приговорен к повешению, обезглавлению, вынутию внутренностей и четвертованию Джон Болл,** схваченный жителями Ковентри и накануне приведенный ими в Сент-Албанс. Казнен он был в понедельник, 15 июня, и голова его была выставлена в Лондоне на воротах Лэдгет. Джон Болл до конца дней своих остался верен своим идеалам. **Перспектива лютой казни его не устрашила и не заставила изменить делу своей жизни. «Он не захотел просить короля о помиловании, но выразил ему свое крайнее презрение»,**—говорит о нем ивземский монах, едва ли склонный восхвалять одного из главных вождей грозной социальной революции.

Надежда правительства на скорое умиротворение страны не оправдалась: подавленное в одном месте, восстание вспыхивало в другом. **В течение нескольких месяцев после смерти Уота Тайлера жизнь английских**

графств далеко не вошла в обычную колею, а временами можно было ждать, что июньские события опять могут повториться.

К осени все же восстание было раздавлено, и собравшийся 18 ноября **парламент признал правильной отмену королем освободительной грамоты. Все перемены в имущественных отношениях, происшедшие во время восстания парламент решил уничтожить и восстановить прежний порядок.**

Достигнутых восстанием 1381 года крупных социально-политических завоеваний английское крестьянство удержать не смогло.

Подведем итоги.

Восстание 1381 года вспыхнуло на почве аффекта, раздражения, как протест против притеснений и вымогательств правительственных агентов, в конец истощивших терпение народной массы. **Непосредственную** причину восстания нужно искать, следовательно, в крайне обостренных политических условиях, существовавших в Англии последние три десятка—со времени чумы—лет и создавших крайне острое политическое настроение, для которого нужен был только повод, чтобы прорваться бурным потоком ненависти и злобы против «королевских изменников».

Но **политическое**, по своему происхождению и по своему началу, **движение 1381 года** немедленно же приняло и **социальный** характер, вскоре оттеснивший на второй план его первоначальную политическую сторону, и **превратилось в широкий протест против феодального строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданского оборота.**

В то время как **политическая** программа восставших отличается значительной неопределенностью своих положительных требований и крайней несложностью отрицательных,—**программа социальная поражает нас полной отчетливостью своих параграфов.**

Король-де и верные общины не могут долее терпеть беззаконий, чинимых в утеснение народу представителями правительства, изменившими долгу. Восставшие обычно выставляют себя исполнителями воли короля. Сам король выставляется **инициатором** восстания. Политическим идеалом восставших является демократическая монархия, опирающаяся на непосредственную связь верховной власти с народной массой и отрицающая исторически сложившееся «средостение», посредничество между ними феодальных сеньеров. **Осуществление политической программы сводилось к простому истреблению „королевских изменников", ни в чем не изменяя существующего строя.**

Уничтожение личной несвободы вилланов, перевод на деньги всех натуральных повинностей крестьян и установление нормы арендной платы, свобода торговли и полная амнистия всем участникам восстания—вот основные пункты петиции, поданной королю народом на Майл-Энде.

В этой программе нас поражает прежде всего ее почти исключительно **социальный** характер; политическая сторона здесь совершенно в тени.

Осуществление **социальной** программы сразу давало весьма определенные результаты, заменяя один весьма определенный порядок отношений другим столь же определенным и столь же конкретно представляемым порядком, **вполне осуществимым** в условиях тогдашней общественной действительности.

Вся эта определенность и конкретность **социальной** программы говорит о том, что **содержание** этой программы сложилось в сознании народа уже **давно**, что в восстание он принес его в готовом уже виде. воспользовавшись неожиданно вспыхнувшим политическим мятежом, чтобы осуществить свои **давно** назревшие социальные идеи. **За этой**

социальной программой стоит целая эпоха классовой борьбы, не прекращавшейся все предшествовавшее тридцатилетие. Взрыв народного раздражения против королевской администрации осветил лишь ярким светом все то, что только таилось на дне народной души, открыл народу путь для проведения в жизнь всего того, за что он боролся всю предшествовавшую эпоху.

Путь был найден. Но восставшие не смогли пройти его до конца единым фронтом, без чего немыслима была их победа.

Прежде всего, у них **не было общей программы**. Если в Кенте крепостного права **вовсе не было**, крестьяне **никогда** там не превращались в лично-несвободных вилланов, и в **кентском** движении выступает на первый план **политическая** сторона, то в Эссексе свои местные условия дали движению почти исключительно **социальное** направление, и в этом отношении Эссекс был **типичным** английским графством.

Майл-Эндская петиция это—эссекская программа. Экссекцы просят в ней короля предать забвению все совершенные ими „восстания, измены и иные преступления". Все совершенное ими они сами считают беззаконием, требующим кары, от которой может освободить только королевское **помилование**.

Вот почему они шли вместе с кентцами (требования которых носили прежде всего **политический** характер) только до первого распутья. Таким распутьем оказались „грамоты за королевской печатью, заключающие в себе все то, о чем просил его (короля) народ на Майль-Энде", следовательно,—и желанное эссекцам помилование за учиненные ими беззакония. Получив эти грамоты, эссекцы с наивным доверием к королю и с твердой верой в „большую королевскую печать" разошлись по домам.

Односторонний характер эссекской программы и исход майл-эндского свидания (уход эссексцев) бросают яркий свет на **организацию** восстания. Можно ли после этого говорить о какой-нибудь **дисциплине**, необходимой для достижения хотя бы некоторого единства в действиях разнородных элементов, присоединившихся к движению? Зачатки **организации**, которые наблюдались у **кентских** повстанцев, во всяком случае **не связали кентского и эссекского восстаний в одно организованное целое**.

Если бы эссексцы и кентцы действовали как организованное целое, если бы восстание 1381 года возникло в результате заранее задуманного заговора, тщательно подготовленного путем энергичной и искусной пропаганды, как хотят уверить нас некоторые ученые,—у них была бы **общая** программа, принявшая во внимание, всесторонне обдумавшая и согласовавшая интересы всех восставших; тогда и **результаты** движения **были** бы **иные**, и факты, подобные мирному удалению эссексцев, лишь только они получили согласие короля на то, о чем они просили его в своей петиции, поданной ему на Майл-Энде, едва ли были бы возможны.

Таким образом, у повстанцев Эссекса, Кента и Лондона, у жителей смежных территорий—**не оказалось ни общей организации, ни общей программы**. И даже, когда им пришлось действовать общей массой внутри столицы, даже и это обстоятельство не сплавило **их** в организованное целое, и отдельные части всей массы **действовали каждая за свой страх**, не получая направляющего толчка из общего **центра**, ибо последнего **не** было.

В каждом графстве, вне Лондона, восставшие преследуют свои **местные** цели. Это особенно следует сказать о городах, примкнувших к восстанию. Они только эксплоатируют восстание, пользуясь силами вооруженного народа для своих исключительно **городских** целей. Ни у

кэмбриджцев, ни эдмондсбэрийцев, например, нет и мысли об общих задачах восстания; их, повидимому, совсем не занимало то, что происходило в столице. А сент-албанцы еще более поражают колокольничеством, партикуляризмом восстания. О чем хлопочут сент-албанцы и их союзники? Исключительно о своих собственных интересах. Прибыв в Лондон, они совещаются о собственных делах, о тех правах и вольностях, которых они хотят добиться от сент-албанского аббатства, о своей общинной выгоде и т. д. и т. п. Лишь только король согласился выдать им удовлетворяющую их требования грамоту, а Уот Тайлер обещал вооруженное содействие, если понадобится,—сент-албанцы не сочли нужным ни минуты дольше оставаться в Лондоне и немедленно отправились обратно в Сент-Албанс. Они просто воспользовались общим воспитанием, чтобы обделать свои собственные дела. Не поддержали революционное крестьянство в решающий момент борьбы и лондонские городские массы, не сумевшие до конца понять общности интересов трудящихся города и деревни и повелительной необходимости единого фронта с крестьянством, единого командования в борьбе с общим врагом.

То немногое, что нам известно о движении в остальных графствах, еще меньше свидетельствует о том, чтобы у него была общая программа и организация.

Наконец, у восставших не было достаточного количества надежных подлинно своих вождей. А то исключительно большое число зажиточных хозяев, о которых говорит парламенский протокол, как о „главных вождях, подстрекателях, пропагандистах и зачинщиках“, уж, конечно, не могло дать крестьянству надежных вождей, так как все эти революционно настроенные хозяева шли к своей собственной цели добивались муниципальных свобод.

Все это дало возможность правительству и правящим классам очень скоро, даже, можно сказать, совершенно неожиданно для себя раз'единить случайно соединившиеся силы и, устранив таким образом самый критический момент, затем без особенного уже затруднения окончательно раздавить по началу грозное социальное движение.

А. Хевеши (Венгрия)

Крестьянские войны в Венгрии.

В ряду крестьянских войн, вызванных коренной переменой в хозяйственной жизни средневековья — переходом феодального (крепостнического) поместья на **денежное** хозяйство, и Венгрия не составляла исключения.

Первое серьезное крестьянское восстание имело место в окрестностях города Надьсомбат под руководством **старосты Блашко**; но это восстание вскоре было подавлено дворянством, которое жестоко расправились с повстанцами.

* * *

Более значительным по размерам и продолжительности, чем восстание у города Надьсомбат, **было** руководимое Иваном Кардош **Трансильванское восстание в 1437 году.**

Правда, отряд самого Кардоша вскоре был подавлен отрядами трансильванских саксонцев, но огонь восстания охватил и соседние округи. Отряды дворянства в течение всего 1437 года безуспешно вели борьбу против крестьянских отрядов, причем крестьянство одержало несколько частичных побед над дворянством.

Вместо того, однако, чтобы использовать эти победы, крестьянство всякий раз заключало соглашение с дворянством, давая ему, таким образом, возможность организовать новые дворянские отряды. 14 декабря 1437 года отряды дворянства совершенно разбили крестьянские отряды, и за победой последовала жестокая месть господ. „У некоторых выкололи глаза,—пишет современный восстанию историк,—у значительной части отрезали нос и уши, у некоторых изуродовали губы или отрубили руки, так что все участвовавшие в этом мерзком восстании вернулись в свои дома, своими противными ранами об'являя всем о своих преступлениях". Захваченные девять вождей были вздернуты на дыбы.

* * *

Эти восстания были лишь предвестниками того распространившегося на всю страну большого крестьянского **восстания**, которое происходило в 1514 году и связано и именем **Георгия Дожа**.

Экономические и социальные бедствия венгерского крестьянства, находившегося в то время под тройным гнетом—государства, духовенства и дворянства, не поддаются описанию. В непосильной для крестьян

барщине никакие законы не ставили предела барскому произволу, и— говорили дворяне—„**крестьянин отличается от скота лишь тем, что у него нет рогов**“.

К этому прибавлялся полный развал государственной жизни и вызванная этим всеобщая правовая неуверенность, следующим образом характеризуемая историком: „Развратные злоупотребления господ становились с каждым годом все нестерпимее, постоянно усиливалась внутренняя неразбериха, всеобщее обнищание и вместе с тем отчаяние и ожесточение. Условия занятия производительным трудом все более исчезали, классовые противоречия обострялись, и страна была ввергнута в пучину безвластья“ (Ачади: „История венгерских крепостных“).

Взрывчатые вещества для крестьянского восстания были созданы этими условиями, а то обстоятельство, что весной 1514 года королем был об‘явлен крестовый поход с призывом всех способных носить оружие, создало для ожесточившихся крестьянских масс возможность организоваться в вооруженные отряды. Георгий Дожа был назначен королем начальником этой предназначенной для крестового похода армии. Сам Дожа происходил из дворянской семьи, но, несмотря на это, беззаветно стал на защиту правого дела угнетенного крестьянства. Во главе своих отрядов он занял низменную часть страны, но битва у города Сегод окончилась поражением: отряды трансильванского воеводы Саполя разбили восставшее крестьянство наголову, при чем и сам Дожа был захвачен. За победой дворянства и на этот раз последовала кровавая месть.

Захваченный в плен Дожа был посажен на раскаленный „престол“, причем палач надел ему на голову раскаленную корону, а заморенных голодом крестьян заставили раскаленными клещами рвать и есть мясо заживо жарившегося вождя. Тысячи крестьян были посажены на кол, четвертованы и всячески изуродованы. Георгий Дожа, которого историки дворянства стараются изобразить темным, глупым и трусливым искателем приключений, на самом деле был отважным и ловким солдатом, честным и преданным вождем революции, нравственное величие которого, презрение к врагу и поразительная сила воли доказываются и тем, что он без единого крика перенес мучения, выходящие даже за пределы нечеловеческой жестокости тогдашнего грубого времени.

Руководимое Дожей крестьянское восстание было не только по размеру значительнее и организованнее прежних восстаний,—оно было также яснее в своих целях и более целеустремленно, чем те.

Сохранившаяся речь Дожи, произнесенная им перед выступлением из главной квартиры, может считаться программой революции 1514 г. Содержание речи в общих чертах таково:

Дворяне всегда ссылаются на заслуги предков, забывая, что только личная доблесть может сделать человека действительно благородным. Различие классов не является делом божьим. Если у всех нас один прародитель Адам, то господ и не может быть, а все-таки они живут и держат себя так, как будто принадлежат к совсем другой расе. Они мажутся, ведут развратную жизнь, пьянствуют, удовлетворяют все свои прихоти и иногда в течение ночи тратят заработок целой жизни. По их мнению, нет божеского и человеческого права, которого они не могли бы деньгами купить. Они могут сделать, что угодно, не понеся никакой кары. Не щадят доброго имени вдов и девиц и пристают даже к невестам. Издеваются над народом без зазрения совести. Легче

сосчитать весной былинки, летом колосья, осенью зерна урожая, зимой снежные хлопья и звезды на ясном небе, чем рассказать и перечислить их преступления. А мы, с которыми они обращаются, как с рабами, скрепя сердце, но терпеливо выполняем нашу работу.

Это не может долго продолжаться. **Мы должны сбросить ярмо, мы должны восстать против тиранов и пользоваться своими правами, мы должны свергнуть королей, мы хотим быть и будем свободными. Мы исправим законы и сокрушим устарелые преимущества дворян. Мы разделим между собою имущества господ.**

Лютая казнь Дожи, вождя крестьян.

Он (Дожа) не будет их королем, а лишь братом. Во всех важных делах он подчинится воле народа и будет поступать соответственно этой воле; если они пожелают, он сложит верховную власть, подчиняясь их приговору. И когда пробьет час, то пусть и они не колеблются, если бы даже пришлось рубить своих собственных родителей и братьев. Кто добивается многого, должен пойти и на то, за что он при других условиях попал бы в тюрьму. Современники будут нас ценить и потомки будут нас уважать. Целые книги будут писать о нас, и наша слава переживет столетия.

Эти требования—если даже историк-современник передает не слова Дожи—были требованиями крестьянской революции.

* * *

После подавления крестьянской революции, положение венгерского крестьянства стало еще более нестерпимым.

Собравшийся осенью 1514 года сейм, названный по духу созданных им законов **диким** сеймом, **на многие столетия лишил крестьянство даже видимости прав**. Законы были выработаны известным венгерским юристом Вэрбэци, излагающим во введении приблизительно следующее:

За свое дерзкое восстание крестьянство заслужило бы быть стертым с лица земли, но так как господа нуждаются в мужике, то этого сделать нельзя, и поэтому им милостиво даруется жизнь, но прав у них больше нет.

Это исключение трудящихся страны из общества логически довело страну до потери государственной самостоятельности в 1526 году, когда на 150 лет турки стали властелинами Венгрии. Тот же упомянутый выше историк Ачади пишет, что, проявленная в кодексе Вэрбэци, жажда мести и классовый эгоизм сделали дальнейшую нормальную государственную жизнь и мирное сожительство разных слоев общества по существу невозможными. **„Сохранение государства, которое кровно обижало их человеческие и экономические интересы, не могло их (крестьян) больше интересовать... И естественное развитие привело к тому, что за порабощением трудящихся последовало крушение самостоятельной Венгрии.**

* * *

Венгерскую крестьянскую революцию постигла трагическая судьба всех крестьянских революций того времени. **С роковой неизбежностью повторялась повсюду судьба крестьянских восстаний: поражение, кровавая месть и еще большее угнетение. Причина, осудившая на крушение крестьянское восстание в Венгрии, как и повсюду, заключалась в изолированности, обособленности крестьянства.** Мещанство, бывшее при тогдашних условиях единственным классом, который мог бы пойти на помощь крестьянству, поддержав восстание крестьян в городах, этих главных гнездах дворянства, духовенства и королевской власти,—это мещанство осталось бездеятельным или же стало на сторону дворянства. С тех пор условия во многом изменились, но роль буржуазии осталось той же, и **борющееся за свое освобождение крестьянство всегда видит буржуазию во враждебном лагаре.**

* * *

Капитализм освободил крестьян от правового закрепощения, но заменил его не менее тяжелым **экономическим** закрепощением. Но он создал также мощную армию промышленного пролетариата, в котором крестьянство найдет—и находит уже—организатора своих огромных, но неорганизованных, сырых массовых сил. Крестьянские войны 15 столетия были, как в отношении их причин, так и в результатах, до того однообразны, что к ним по существу может быть приложена одна и та же мерка, один и тот же шаблон. У назревающих в настоящее время крестьянских движений, если они в частности и не будут однообразны, несомненно также будет общая отличительная, характерная черта. Этой общей отличительной чертой будет—**боевой союз рабочего класса и крестьянства.**

Венгерское крестьянство—потомки воинов Дожи—в настоящее время опять живут в условиях, напоминающих отчасти условия, предшествовавшие восстанию 1514 года, отчасти же время дикого сейма, происходившего после подавления этого восстания. Потомки воинов Дожи не более свободны, чем их предки, и потомки Саполи, теперешние венгерские помещики, также не лучше их предков.

Безземелье, безработица, налоги и долги, голод и нищета являются постоянными гостями в венгерских деревнях и „законы для защиты общества“, закон о земельной реформе и налоговые законы и в настоящее время преисполнены духом Вэрбэци.

Венгерское крестьянство не сумело рассчитаться со своими вековыми врагами в 1514 году, оно не сумело сделать этого и в 1848 году и 1919 году. Великий расчет еще впереди, но он неизбежно будет.

Из союза венгерского крестьянства с промышленным рабочим классом произойдет та сила, которая освободит крестьянство от тысячелетнего угнетения, и на венгерской земле, каждая пядь которой обливалась потом и кровью венгерских крепостных, расцветет свободное царство трудящихся.

Только мировой союз трудящихся деревни и города дает ныне силу так вести борьбу, чтобы она кончилась победоноснее, чем Великая Крестьянская Война в 1525 году.

